

ВОКРУГ СВЕТА

1927 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 8

6 р. в год за ежем. журнал „Всемирный Следопыт“ с прилож. 12 №№ „Вокруг Света“, 12 вып. „Библиотеки“ и 12 геогр. карт на обл. журнала. Б. отд. продаже № „Вс. След.“ — 50 к., № „Вокруг Света“ — 10 к., вып. „Б-ки Вс. Сл.“ — 25 к.

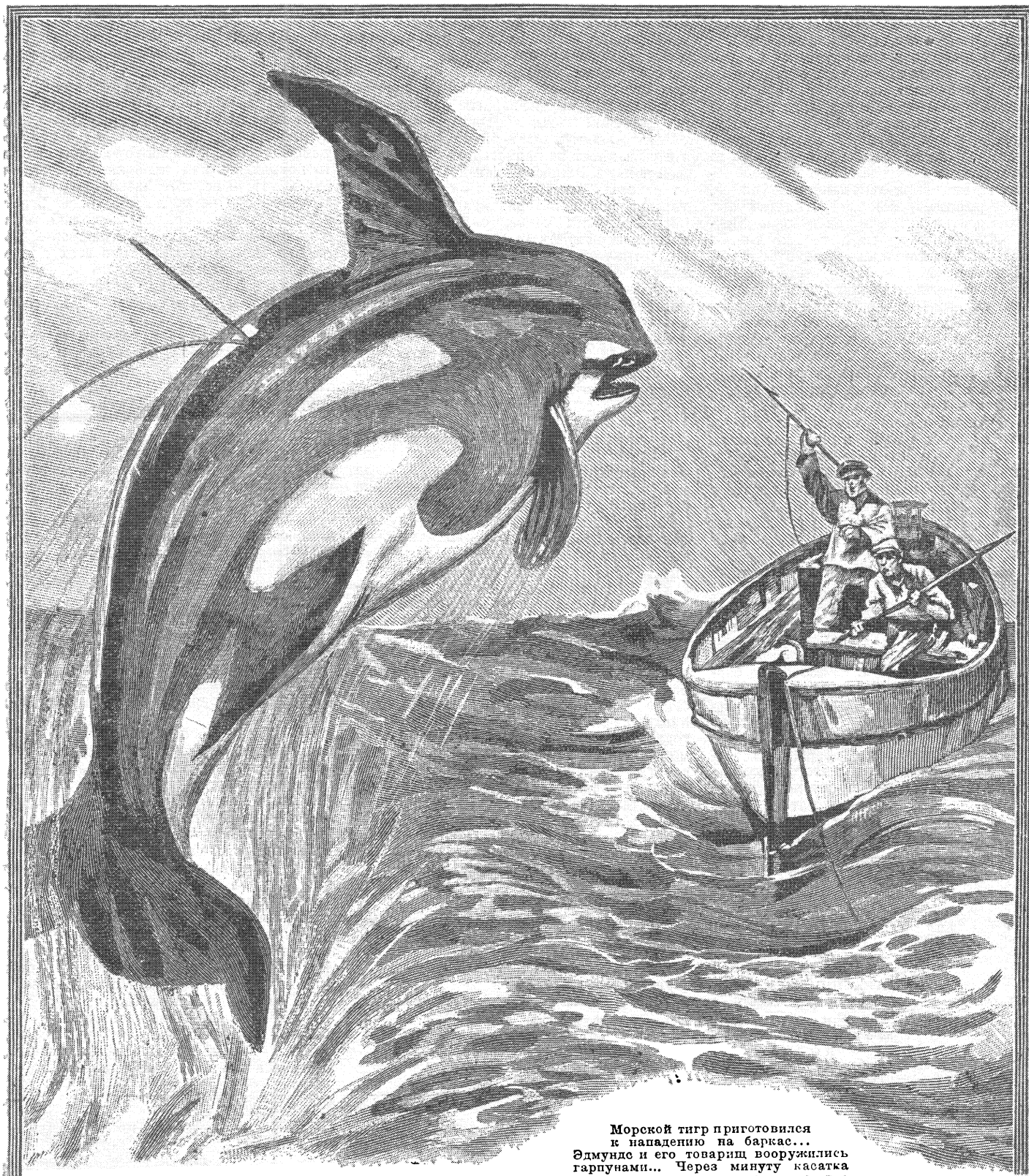
Редакция и контора „Всем. Следопыта“ и „Вокруг Света“: Москва, Псковский пер., 7/9.

Подписка на журнал „Всемирный Следопыт“ (только со всеми приложениями) принимается: в конторе журнала, в экспедиции (Москва, Варварка, Псковский пер., д. № 7/9) и во всех почтовых отделениях.

Объявления в „Вокруг Света“ принимаются в конторе журнала (Москва, Варварка, Псковский пер., д. 7/9, тел. 3-82-20) по 1 р. за строку непарели позади текста. При многократном печатании — скидка по соглашению.

СОДЕРЖАНИЕ: Битва с морским тигром (к рис. на 1-й стр.). — Золотая трясина. Рассказ М. Подгаецкого из жизни на Алдане. — Неронит. Фантастический рассказ Л. М. Россихина. — Американский потоп. Очерки о разливе Миссисипи. — Дракон, пожирающий солнце. Рассказ из древне-китайской жизни Н. Могучего. — Чудесная канонерка. Рассказ-загадка И. Окстона. — Как живут в братской республике. — Задачи и загадки.

3 р. 25 к. в полгода с перес. и дост. за 6 №№ журн. „Всем. Следопыт.“ со всеми прилож. — Отдельно на журнал или прилож. подписка не приним. За границу подпис. плата выше на 50 проц. За перемену адреса — 20 к.

Морской тигр приготовился к нападению на баркас... Эдмундо и его товарищ вооружились гарпунами... Через минуту касатка взвилась над волнами, показывая все свое черно-белое туловище...

○ ○ Битва с морским тигром ○ ○

(К рисунку на 1-ой странице)

На земном шаре есть одно место, где можно не только увидеть касаток, или морских тигров, как их называют, но и познакомиться с ними поближе. Это — океан вокруг островов Южной Калифорнии (Сев. Америка). В заливе св. Кatalины летом, когда там много рыбы, касатки постоянно плавают между островами в погоне за добычей.

Случай, о котором идет речь, произошел с одним из самых опытных на всем побережье рыбаков, по имени Эдмундс. Ему приходилось иметь дело с акулами, тунями, тарпунами, глубоководными окунями, словом, со всеми крупными видами животных, населяющих недра океана. Когда-то в молодости он был гарпунщиком на китоловном судне и научился в совершенстве владеть гарпуном.

Давно уже признано, что нет в море животного более дикого, кровожадного и мстительного, чем касатка. Рыбаки называют ее разными именами — убийца, черная рыба, морской тигр, зубастый кит, орка. Касатки встречаются в водах Южной Калифорнии круглый год, но только летом их можно видеть там в большом количестве.

В Тихом океане водится два вида касаток: первый — с коричневым пятном на спине, второй — крупнее, со спинными плавниками около двух метров длиной. Он встречается по большей части к северу от Калифорнии, и вряд ли там найдется еще другая более злобная тварь, чем этот вид касатки. Моряки рассказывают, что одно из этих чудовищ, метров шести в длину, напало и перебило дюжину тюленей и столько же дельфинов, прежде чем в него удалось попасть гарпуном и убить. Касатки умны и жестоки. У них зубы, как копыя, способные прокусить борта лодки; если их соберется много, они в силах прогнать целую рыбачью флотилию обратно в бухту.

Схватка Эдмундса с касаткой произошла в Авалонской бухте. Рыбак вышел на рыбную ловлю в моторном баркасе с одним товарищем и намеревался половить тун. Когда рыбаки приближались к скалистым утесам одного из островов, Эдмундс вдруг вскрикнул. Прямо перед баркасом из воды вынырнул огромный кит. Он поднялся на несколько метров над водой, потом шлепнулся обратно в воду с шумом, похожим на выстрел, и нырнул вглубь. Эдмундс повернул баркас навстречу волне и выключил мотор, но сила инерции подвела его к месту погружения кита, ближе, чем он этого хотел. Вдруг вода заволновалась, и кит вновь вынырнул из воды; продержавшись на этот раз

на поверхности в течение нескольких минут, он опять погрузился, потом опять вынырнул и подпрыгнул над водой, при чем хвост его вертелся, как мельничные крылья. Тогда наши рыбаки увидели и причину его странного поведения.

На кита напали касатки. Морские тигры впились в нижнюю губу кита; один из них ухватился даже за его язык. Они повисли на нем, как собаки на медведе. Кровь текла из его многочисленных ран и окрашивала воду залива. Он делал отчаянные попытки, чтобы стряхнуть с себя разбойников, но все было напрасно. Они вцепились в него крепко, как бульдоги; если случилось, что отставал один, то на его месте сейчас же появлялся другой. Единственное орудие защиты у кита — это его могучий хвост, которым он может разбить шхуну; но в битве с морскими тиграми хвост не приносит ему ни малейшей пользы. Напрасно пытался он уплыть от разбойников. Раз два он еще нырял, увлекая за собой своих врагов, но, когда он поднимался снова, они попрежнему висели на нем. Их было даже еще больше, потому что, очевидно, шум битвы привлек на место боя всех касаток из окрестностей. Им всем хотелось получить свою долю добычи, и, в конце концов, они стащили умиравшего великана на дно...

Баркас Эдмундса находился все время поблизости и теперь повернул к северу. Никогда Эдмундсу не случилось видеть подобного боя, и ему захотелось самому схватиться с касаткой.

Баркас Эдмундса был довольно тяжелым старым китоловным судном, и у него было несколько гарпунов. Товарищ его был тоже старый опытный рыбак, и, когда Эдмундс сообщил ему о своем намерении, он тотчас же согласился с ним.

Через некоторое время баркас Эдмундса подошел настолько близко к касаткам, что можно было бросить гарпун. Метрах в четырех от борта как раз находился крупный экземпляр, плывший около самой поверхности. Размером он был метров семь с половиной, и вся его зловещая красота была видна в прозрачной воде. Шкура морского тигра черна, как черный янтарь, гладкая и блестящая на спине, как полированный мрамор, снизу она белая, на спине возвышается огромный спинной плавник, похожий на гигантский нож. Благодаря этому плавнику, морского тигра можно увидеть и узнать издали. Челюсти касатки вооружены огромными клыками, которые гораздо страшнее для ее врагов, чем зубы акулы, и нападает она на свою добычу, как настоящий тигр. Такова была та тварь, на которую Эдмундс и его то-

варищ решили повести нападение. Надо еще иметь в виду, что касатки при плавании работают хвостом, как винтом, и оставляют за собой след пенящейся воды; тогда будет ясно, что для нападения на такое чудовище нужна незаурядная храбрость.

Наши рыбаки, однако, не колебались. Эдмундс вооружился одним из гарпунов и метнул его в касатку. Оружие наискось вошло в черную спину, и канат, быстро размотавшись, описал в воздухе причудливую петлю, подобно внезапно ожившей змее. В следующее мгновение морской тигр помчался прочь — быстрее курьерского поезда.

Только люди, которые охотились на касаток, знают, с какой быстротой плавают эти твари, когда они ранены гарпуном. Баркас несясь в море на буксире у своей добычи, которая то уходила вглубь, то появлялась над поверхностью, чтобы вздохнуть, и все пыталась уйти от врага, которого она не могла видеть. Они пронесли таким образом несколько миль и выходили уже в открытое море. Оба рыбака тянули за канат изо всех сил, но несмотря на все старания, им не удалось смотать его ни на один метр.

Они то и дело видели перед собой острый спинной плавник касатки, когда она поднималась на поверхность; потом она опять исчезала в глубине, и баркас продолжал разрезать зеленые волны, которые грозили его поглотить.

Рыбаки были уже в открытом море, и касатка уносила их все дальше и дальше. Наконец, наступила роковая развязка.

Морское чудовище вдруг остановилось, и лодка страшно закачалась. Эдмундс привстал, чтобы посмотреть, что случилось, но то, что он увидел, заставило его громко вскрикнуть. Морской тигр пригрозил к нападению на баркас. Громадный спинной плавник наступал прямо на них.

Эдмундс и его товарищ вооружились каждый гарпуном. Через минуту касатка взвилась вверх, показывая все свое черно-белое туловище, блестящее на солнце. Но она промахнулась, потому что, прежде чем она успела ударить в лодку, два гарпуна вонзились в ее тело. В то же мгновение баркас перевернулся и оба рыбака очутились в воде...

Эдмундс очень быстро вынырнул и догнал баркас. Одного толчка достаточно для того, чтобы поставить его снова на киль, потому что он был обит листовым оловом под скамейками, — и баркас помчался снова с прежней быстротой. Эдмундс стоял по колена в воде, и его всего обливало солеными волнами.

Теперь он уже больше не колебался. Он вытащил нож, перерезал канат и отпустил хищника на волю.

Ему пришлось немало потрудиться, чтобы снова пустить в ход мотор и вернуться к месту крушения — поискать своего товарища. Но его нигде не было видно. Эдмундс вернулся в порт один.

На другой день к одному из скалистых островов волною прибило мертвое тело касатки с вонзенными в него тремя гарпунами, но тело погибшего товарища Эдмундса так и не было найдено...

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ 1927 г. НА

„НАШУ ГАЗЕТУ“

В виду увеличения тиража „Нашей Газеты“, Главная Контора нашла возможным пойти навстречу желаниям подписчиков и дать

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ.

Все подписчики, выписавшие „Нашу Газету“ за наличный расчет, получают

БЕСПЛАТНО ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ „ВОКРУГ СВЕТА“.

ЖУРНАЛ дает интересный и занимательный материал и является лучшим чтением для семьи служащего

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА „НАШУ ГАЗЕТУ“:

на 5 мес. — 3 р. 75 к.; на 3 мес. — 2 р. 25 к.; на 1 мес. — 75 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В Главной Конторе, Москва, ул. Герцена, 12 а, во всех отделениях „Известий“ и „Правды“, в почтово-телеграфных отделениях СССР и всеми письмоносцами в Москве.

ЗОЛОТАЯ ТРЯСИНА

Рассказ М. Подгаецкого из жизни алданских приискателей ¹⁾

Дмитрий Протасов познакомился с Лагутиным в благовещенском клубе водников, во время случайной партии в шахматы.

В Благовещенске Лагутин казался самым приятным малым, какого только можно себе представить. Он отлично играл в шахматы, а еще лучше в карты, и обладал, повидимому, неисчерпаемым запасом анекдотов, острот и поговорок. Дмитрий часто удивлялся его веселому и беззаботному характеру. Лагутин побывал всюду и везде, знал все, что вам угодно, и мог поддержать разговор на любую тему.

Одним словом, он был славным малым и при случае в карман за словом не лазил — таково было мнение о нем Протасова после месячного знакомства. Как и следовало ожидать, они скоро хлопнули по рукам и стали готовиться к дальнему пути. Приготовления заняли довольно много времени, и только с наступлением следующей весны они надеялись быть там — на этом сказочном, легендарном Алдане, присвоившем себе по праву имя Советского Клондайка.

Глубокий снег лежал вокруг, когда пассажирский поезд выбросил их на станцию Большой Невер. Отрывисто рывкнул свисток, глухо лязгнули буфера вагонов в морозном воздухе, и поезд двинулся дальше. Блестящая двойная линия стальных рельс, да стройная шеренга телеграфных столбов, терявшаяся в снегах, являлись теперь тонкой нитью, связывавшей их с культурным миром. Другая такая линия телеграфных столбов уходила на север, параллельно широкой таежной «временке», в поселок Ларинский, серым пятном маячивший на белоснежном фоне сугробов сопки.

Это — преддверие лихорадочного Алдана. Отсюда отправляются в тайгу с отвагой и решимостью в глазах. Сюда же возвращаются с отчаянием или карманами, набитыми золотом, или не возвращаются вовсе, оставаясь добычей тайги и сорокаградусных морозов.

Поселок сильно разросся за последнее время. Обуреваемые жаждой наживы, люди снова вторгнулись в тайгу.

Множество домов и землянок строилось в поселке; с неимовер-

ной быстротой, словно грибы после дождя, вырастали они на глазах обитателей. Волна золотой горячки захлестнула поселок, на его кривых улочках можно услышать говор на шести-семи языках.

Везде затянутые в меха и коты фигуры приискателей с традиционным ножом у пояса. Русские, тунгусы, китайцы, много якутов, которых можно узнать по оленьим шкурам.

Сообщение с Алданом держится только зимой. Почти еженедельно уходят на север большие обозы и возвращаются порожняком. Лошадей мало, их заменяют олени или верблюды. Странно видеть этих грациозных животных, столь привыкших к знойной пустыне, в суровой сибирской тайге и снегах.

* * *

С одним из таких караванов ушли Лагутин с Протасовым. Тайга приняла их не красно. Через несколько дней пути поднялась буря. Загудела и ожила тайга, и с трудом путники добрались до первого зимовья, где обоз решил переждать бурю.

Путь длился несколько месяцев. Позади остался прииск Лебединный, где кончалась телеграфная сеть и начиналась девственная тайга, миновали и Становик (Становой хребет) и, наконец, путники были у цели. Небольшая группа сереньких строений, множество палаток — вот что представляла из себя группа алданских приисков.

Лагутин, как более сведущий, сам выбрал участок, или, как здесь говорят, «делянку» на берегу Таммота, и зарегистрировал его на имя обоих.

Солнце швыряло в талую

землю весенними лучами. Оживала тайга от крепкого зимнего сна, и все вначале было так просто и так обыкновенно: Дмитрий вкладывает личный труд, палатку и небольшой запас денег, а Лагутин — приятное общество и глубокое знание свойств и признаков «благородного металла».

* * *

С первых же шагов вступления на делянку и тщательного осмотра ее, Протасов был удивлен переменной поведения товарища. С того времени, как они покинули прииск Незаметный — последний населенный пункт, невидимой паутинкой радио-телеграфа соприкасающийся с культурным миром, Лагутин изменился до неузнаваемости.

Он стал молчалив и смотрел вокруг себя глазами человека, которого растягивают на дыбе; все вопросы Протасова он принимал с неудовольствием и нехотя отвечал на них. Дмитрий совершенно не знал, чем объяснить это явление.

Сообщение с Алданом держится только зимой. Почти еженедельно уходят на север большие обозы. Лошадей мало, их заменяют олени или верблюды. Странно видеть обитателей знойной пустыни и оленей — рядом, в суровой заснеженной сибирской тайге.

¹⁾ Этот рассказ написан по данным хабаровских и владивостокских газет и основан на действительном случае.

По совету Лагутина они расположились на бугристом берегу Таммота. Впереди Таммот — южная граница концессии Алданзолото; за ним смешанный лес; слева «марь» — болотистая площадь между рукавами Таммота; дальше перелесок, который постепенно переходит в лес, затем в тайгу, переплетенную, перевиутую растениями. Там темно и сыро даже днем. Валежник, а порой и огромные стволы устилают мшистую, почти на метр покрытую листьями и хвоей землю. В сотый раз перебирал Дмитрий свои собственные недостатки, чтобы понять причину странной неприязни к нему Лагутина. Но попрежнему угрюмое молчание властвовало над их маленьким лагерем.

Так и прошел весь день. В молчании они поужинали, закурили папиросы и обдумывали планы.

Ночью и на следующий день шел дождь, ветер гнул лозы и далеко выбрасывал на противоположный отлогий берег мутные волны речушки. После полудня небо прояснилось. Дмитрий вышел из палатки и, с трудом шагая по вязкой земле, подошел к берегу Таммота. Ах, как он устал за эти сутки! Как он устал от Лагутина! Зачем он пригласил его к себе в компаньоны? Теперь ясно все. Лагутин был только болтун — и больше ничего. Он ничего не знал о тяжелой жизни, а еще меньше о золоте. Очевидно, постоянное посещение благовещенских «Амуров», «Востоков», «Алясок» и тому подобных баров низкого пошиба дает очень мало знаний о жизни в тайге и ее привычках.

Весь остаток дня прошел все в том же напряженном молчании, и Дмитрий с тоской ожидал развязки. Отношения были так натянуты, что он ожидал взрыва каждую минуту.

Но однако, этого не последовало, а кончилось тем, что Лагутин после ужина заговорил первым:

— Я думаю отправиться на прииск на несколько времени. Сейчас земля сыра и работать невозможно, а здесь много дичи и можно будет достать ружье.

— Отлично, — ответил Протасов. — Действительно, тогда будет лучше, а то мне сильно приелись консервы. Но когда же ты вернешься?

Но Лагутин опять ушел в свою скорлупу.

— Когда мне будет угодно, — вызывающе ответил он.

Протасову до крайности надоел его странный компаньон. Он готов был один остаться на участке, лишь бы избавиться от его общества.

Утром Лагутин ушел, не пожав руки и буркнув, что вернется дня через два-три. С этого времени Протасов вздохнул свободно и с легким сердцем принялся за работу — за пробивку шурфов на делянке.

* * *

Ровно через две недели одинокий участок на берегу Таммота представлял следующую картину: делянка, очевидно, была полузаброшена, так как пробитые шурфы никто не разрабатывал. Покосившаяся палатка доказывала, что о ней мало заботятся, несмотря на то, что около нее догорал костер.

В палатке находился Протасов, углубившийся в странное занятие. Он только что окончил немудреный завтрак, состоявший из консервов и краюхи черствого, как камень, хлеба, закурил папиросу и вынул из кармана кожаной куртки клочок толстой бумаги, сильно истертой по месту сгиба. Развернув бумагу, он принялся ее рассматривать.

Это был план среднего течения Алдана, на котором голубой извилистой сеткой лежали: Алдан, Таммот, Мая и их притоки. По зеленому полю лесов причудливыми очертаниями вилась коричневая краска горных хребтов, массивов и утесов. Синими трехугольниками пестрели прииски концессии «Лена Гольдсфильд». У подножья Витимского нагорья стоял крестик — место их участка — заключенный в квадрат; от него пунктиром шел путь на юг, к прииску Незаметному.

Протасов быстро стер нанесенные на план простым карандашом знаки и перенес их значительно южнее, вверх по Таммоту.

Внезапно слух его пререзал звук раздавшегося выстрела. Темная туча легла на лицо Дмитрия. Он боязливо оглянулся вокруг и торопливым движением спрятал карту в карман...

Кто мог шататься здесь? По близости нет ни одного разработанного участка. И вдруг у него явилась мысль, что нет ничего удивительного в возвращении Лагутина.

— Этого лгуна, этого проклятого лодыря... — пробормотал он сквозь зубы и выскочил из палатки.

Внизу у подножья холма поднимался белый дымок выстрела, постепенно рассеиваясь в воздухе.

Минуту спустя ветерок принес топот сапог, перешедший в хлюпанье. Это окончательно убедило Протасова, что стрелявший направляется к делянке.

Он нырнул в палатку и выскочил оттуда с измятым биноклем в руках. Через несколько секунд в поле зрения бинокля промелькнула ивовая поросль, резкая линия пригорка с темно-синим небом поверх нее, а затем в зарослях взор Протасова нашупал человеческую голову в лихо заломленной панаме. За плечами виднелось дуло двустолки, и, наконец, Дмитрий до мельчайших подробностей смог разглядеть фигуру путника в высоких охотничьих сапогах и кожаной тужурке, опоясанной патронташем. Путник, в свою очередь, различил фигуру золотоискателя, замахал над головой шляпой и закричал певучим голосом:

— Здорово! Здорово!

Это было его обычное приветствие при встречах с Протасовым.

Он почти бегом пустился вперед по высохшему руслу ручья и стал взбираться на покатый бугор, на краю которого в выжидательной позе стоял Дмитрий. Лагутин вскочил на площадку, где стояла палатка, бережно прислонил двустолку к высохшему дереву и, обернувшись к Протасову, весело крикнул:

— Вот и я! Не ждал? Да еще не один, а сам-друг с доброй «бельгийкой». Славное ружье!..

Дмитрия раздражала веселость Лагутина. Он исподлобья наблюдал за его движениями.

— Итак, я возвратился!.. Правду говоря, я и не думал вовсе возвращаться... На Незаметном мне повезло... Страшно повезло, говоря по совести...

— Нашел золото? Много? Жильного или в песках? — оживился угрюмый Протасов.

— О нет, не в песках!.. В карманах партии приискателей, дружище! Оказались отчаянные игроки.

— Но чем же кончилось?

— Кончилось? Фортуна — изменчивая вещь! Она сперва улыбнулась мне, а потом стала улыбаться другим, и через три дня я продул все то, что выиграл раньше. Осталось в кармане несколько измятых червонцев, да и те исчезли бы, если бы партия приискателей не отправилась дальше. Ну, и тогда я вспомнил о нашем с тобой деле...

— О нашем с тобой деле... — механически повторил Дмитрий.

— Да, о нашем деле, и решил вернуться сюда... Ну, я купил за четыре червонца этот самопал и отправился. Да ты посмотри, что за ружье! Я доволен, что мне удалось его купить так дешево.

— Да на кой шут оно сдалось?

— Да разве здесь ружье может быть лишним? Ты ведь сам сказал это, когда я уходил две недели тому назад.

Протасов продолжал исподлобья наблюдать за ним.

— Ну, как дела? — снова затараторил Лагутин. — О, если нам попадется песок с большим содержанием золота! Я не буду Лагутиным, если я не возвращусь когда-нибудь домой с карманами, полными денег!

— Может быть, может быть. Только золото это будет из каких угодно песков, но не из песков Таммота, — криво усмехнулся Протасов.

— Что это значит? — нахмурился Лагутин. — Ты хочешь сказать, что не намерен меня допустить работать на участке?

— Нет, не то... Если бы ты пришел не сегодня, а завтра — ты бы не застал меня здесь. Я решил бросить эту штуку. Да, бросить, потому что у меня нет никакой охоты возиться с ерундой. Я не намываю здесь и двух граммов в день.

— Но, может быть, в других местах этого холма, у реки...

— Ты хочешь сказать, что я искал недостаточно тщательно? Ну, так что ж, посмотрим... Я пробил около пятнадцати шурфов¹⁾...

— И ничего?

— Нигде ничего!

Лагутин тяжело вздохнул и крикнул.

— Я слышал, — сказал он, — что километрах в шестидесяти отсюда есть золотое местечко — ребята передавали. Знаешь, на трех бывших участках старика Набокова, где его зарезали китайцы?..

— Знаю. Ну, что же?

— Ну, так я думаю — не сунуться ли нам туда?

— Счастливого пути...

— А ты? — удивленно спросил Лагутин.

— Я возвращусь на Незаметный.

Замолчали. Лагутин стал чистить свою «бельгийку» и, зарядив ее на оба ствола, поставил в палатке. Этот день Протасов не работал. Он задумчиво сидел у маленького костра, на котором готовил суп из оставшихся консервов и картофеля, варил чай. Потом занялся починкой суконной рубахи.

Словом, он делал работу, показывавшую, что он не намерен больше оставаться здесь, а собирается вскинуть узел на плечи и распрощаться с делянкой.

За ужином Лагутин снова затронул вопрос об участке.

— Ты уверен, что здесь нет больше ни крупинки золота? — спросил он.

Протасов молча пожал плечами.

— Но, может быть... Если порыться еще...

— Глупости! К чему ты клонишь? Оставаться здесь невыгодно: время может уйти.

— Знаешь, мне нужно хоть немного денег, ну, хоть на первое время...

— У меня осталось немного, после того, как мы покинули Незаметный. Расстанемся друзьями — разделим их поровну.

Лагутин согласился, хотя предложение товарища не мало удивило его.

— Двинемся завтра утром. Наши дороги расходятся, — ответил он.

Протасова, повидому, очень мало радовала перспектива провести ночь вместе со своим надоедливом компаньоном, но выпроводить товарища ночью, да еще без всяких оснований, не было в обычаях искателей золота.

Проворчав что-то, он залил костер и, завалившись спать в палатке, предоставил бывшему компаньону проводить ночь, как тому будет угодно.

* * *

Лагутин проснулся первым. Протасов еще не выходил из палатки. Лежала большая роса, и двигаться в путь сейчас было невозможно, не рискуя промокнуть насковзь. Лагутин решил обождать.

В это время Протасов вышел из палатки, заложив руки в карманы и хмуро глядя куда-то вдаль.

Тонкий пар поднимался над «марью», а особенно густые волны его клубились там, где блестящие небольшие оконца трясины. Вдруг большая стая перелетных уток сорвалась с реки и понеслась к обрыву. Прежде чем Протасов успел что-нибудь сообразить, его товарищ вскинул ружье и выстрелил.

— У нас сегодня будет отличный завтрак! — весело вскричал он.

Протасов думал и радовался в душе, что выстрел не достигнет цели за дальностью расстояния. Но как-то было его удивление, а потом и тревога, когда он увидел, что пара уток, теряя перья, стала падать шагах в полтора от них, как раз в том месте, где холм переходил в марь. Выбив патрон, Лагутин, тяжело ступая в огромных охотничьих сапогах, побежал туда.

Протасов сначала не двигался с места, но заметив, что Лагутин направляется к обрыву, рванулс вдогонку.

— Проклятый человек! Не смей ходить туда! — закричал он.

— Надо же взять добычу?! — ответил удивленный Лагутин.

— Не смей! — неистово закричал тот, и побежал следом за Лагутиным.

Когда он, запыхавшись, догонял товарища, уже в нескольких шагах от реки, — Лагутин внезапно остановился и впился глазами в желтую почву обрыва.

Он повернулся к Протасову и произнес сдавленным голосом:

— Ты нашел рассыпное золото?..

— Молчи, не смей говорить!

— Ты нашел богатую россыпь, Протасов? — угрожающим голосом сказал тот, еще более бледнее.

— Не твое дело, что я нашел! — закричал Дмитрий. — Что я нашел, то — мое.

— Ты обманул меня. Ты сказал, что бросаешь работу. Ты не бросишь, потому что каждый день намываешь до двадцати золотников. Я видел такие россыпи, я знаю... Пусть то, что ты намыл до моего прихода — твое, но после того, как я возвратился, россыпь не твоя, а наша... Одна половина твоя... и половина моя.

— Я не отдам... не отдам... все мое... — яростно шипел Протасов.

— Нет, ты отдашь, я сам возьму! — ответил Лагутин, бегом направляясь к обрыву.

Прежде чем он успел сделать несколько шагов, рука Протасова, которую тот держал в кармане брюк, вдруг выпрямилась, что-то заблестело на солнце, прогрохотал выстрел. Лагутин, выпустив ружье из рук, упал, словно споткнувшись, ничком на землю и судорожно стал рыть искривленными пальцами прибрежный песок. Протасов, уронив браунинг, недвижно стоял над трупом убитого компаньона.

— Ты сам хотел этого... — бормотал он посиневшими губами. — Ты хотел взять там, где не положил...

Постояв еще несколько мгновений, он хотел отойти в сторону, но почувствовал, что ноги не служат ему. Он присел на камень, чтобы не упасть. Он хотел посмотреть в сторону, но что-то властно заставляло его смотреть на труп убитого. Беспорядочными вихрями понеслись мысли в его одурманенной голове.

«Труп... Труп не зайца или белки, которых Протасов часто стрелял из этого же самого револьвера... не волка... не медведя... а труп человека...»

«...Если кто узнает?.. Арест... тюрьма... смерть — за бандитизм... Надо, во что бы то ни стало, скрыть»

¹⁾ Шурф — колодец, закладываемый с целью разведки месторождения.

тело... Зарыть в землю... бросить в реку...»

Он беспомощно оглянулся. Ему казалось, что предательский выстрел слышали — сейчас же появятся люди...

Его взгляд упал на оконца трясин. Быстро созрела мысль. Схватил тело убитого и поволок его на трясину. Вступил на предательский зеленый ковер, и поверхность трясин заколыхалась, как резиновая; с опасностью провалиться протащил труп около полукилометра, затем, шагнув к оконцу, бросил труп туда. Но, когда он отошел уже на половину расстояния и оглянулся, с его уст сорвалось проклятие. Труп всплыл и одна рука его, высунувшись, судорожно искривленными пальцами словно грозила ему.

Он снова стал осторожно пробираться к оконцу и, держась руками за камыши, по колено в воде, стал толкать труп к центру болота. Труп затонул и Протасов тронулся к берегу. Но... ему с величайшим трудом удалось поднять одну ногу — другая пошла вниз.

Протасов напряг все силы. Камыши, за которые он держался, вырвались с корнем, и несчастный стал погружаться в зыбучее болото. Через секунду вода достигла пояса, потом захватила грудь, плечи... и он закричал силным, безумным голодом...

Протяжный тоскливый крик о помощи пронесся над «марью» — крик утопающего человека...

Ему ответило лишь эхо обрыва и лесистый берег реки...

Стая уток, встревоженная в это утро выстрелом, могла видеть, как из болота высунулась обезумевшая голова Протасова с устремленными вверх глазами. Она скрылась затем на минуту, словно ища спасения, хватая воздух; показалась рука в серозеленой блузе и потом исчезла. Изумрудная поверхность трясин слегка заволновалась и вновь приняла свое первоначальное положение, скрывая навсегда трагическую истину случившегося.

* * *

Через год, едва оттаяла земля и тайга убралась зеленью, партия разведчиков и рабочих государственного треста «Дальзолото», во главе с инженером и топографом, наткнулась на заброшенный лагерь на берегу Таммота. Палатка обвалилась, но вещи, находившиеся под ней, почти хорошо сохранились. Закоптелый чайник, небольшой запас консервов, приискательские инструменты, две полуистлевшие постели, две кожаные куртки, и множество образцов кварца и других золотоносных пород.

Рассматривая план, найденный в кармане одной из курток, инженер сильно заинтересовался обозначениями, нанесенными там обыкновенным карандашом, и послал рабочих осмотреть эти места.

По пути туда посланные разведчики нашли заржавленную двустволку с разряженным стволом и браунинг, у которого тоже не хватало одного патрона. Эти вещи, так загадочно брошенные, напоминали о драме, когда-то происшедшей здесь...

Оказалось, что знаки обозначали место богатой золотоносной россыпи. Когда об этом сообщили инженеру, то он осмотрел ее и сказал представителю треста:

— Пишите администрации, что мы набрали на богатую россыпь. Прежде ее кто-то разрабатывал и довольно успешно, но странно то, что так загадочно бросил. Но это не наше дело. Эта площадь законтрактована трестом и мы завтра же приступим к предварительным работам. Видите вон тот небольшой холмик у излуины реки, он — наносный. Река сама промывала породу и несла ее сюда веками вместе с тем золотом, которое в ней было. Много лет прошло прежде чем образовался этот обрыв, и река снова перемывает его и несет дальше драгоценный металл. Теперь это трясина. Я полагаю, что здесь протекала раньше река, отсту-

Протяжный тоскливый крик о помощи пронесся над болотом — крик утопающего человека.

пившая сейчас в сторону, или один из ее рукавов. Почва там тоже наносная. Но процесс засорения рукава остановился, и поэтому это место обратилось в трясину. Это — золотая трясина. Завтра мы и начнем с того, что приступим к ее осушиванию.

Прошло несколько времени. Золотая трясина была осушена, и под тонким слоем прошлогоднего торфа, рабочие отыскали два трупа. У одного на затылке была огнестрельная рана.

Разобрать что-нибудь в их бумагах не удалось...

Подозревая о случившейся здесь жуткой истории, инженер посоветовал еще тщательнее поискать вокруг. Действительно, в отдаленном углу палатки, под сгнившей меховой одеждой, нашли несколько пивных бутылок черного стекла, наполненных золотым песком и небольшими самородками...

Неделю спустя агенту ГПУ, прибывшему с прииска Незаметного, удалось установить имена найденных здесь мертвецов, но все остальное осталось загадкой...

Неронит

Фантастический рассказ Л. М. Россиянина

Рассказ отмечен на литературном конкурсе „Всем. Следопыта“ в 1926 г.

«От неронита нет спасения» — говорит профессор Энрико Марти, герой этого рассказа. Это утверждение звучит слишком пессимистически. Любой член Осоавиахима (а их у нас миллионы) знает, как спастись от удушливого газа. Осоавиахим зорко следит за успехами военной химии за границей. На каждый новый газ мы ответим новым противогазом, новым противоядием! И, наконец, исход войны будущего решит не одна только блестяще поставленная техника вооружения... Если нас вызовут на новую бойню, мы противопоставим бронированному кулаку капитализма — стальную солидарность трудящихся всего мира!

— Ну?

Произнесено это было далеко не любезным тоном. Молодому человеку, исполнявшему обязанности секретаря у одного из финансовых королей, со многим приходилось мириться. И Чарли Бетс отлично это учитывал.

«Грубая скотина!» — подумал он, а затем почтительно доложил «скотине»:

— Простите, мистер Форбс, Джемс только что сообщил мне: неизвестный джентльмен желает видеть вас. Заявляет, что имеет неотложное дело. Несмотря на все старания Джемса преградить ему доступ в приемную, он... сейчас находится там. Джемс остался...

— Идиотом, — раздраженно dokonчил миллиардер. — Я, кажется, ясно сказал — не принимать никого. Подите и узнайте, что нужно этому... Что? Его карточка? Довольно странная манера: посылать визитные карточки в запечатанном конверте. Посмотрим... Гм... гм... Просите его сюда, но предупредите, что не могу уделить много времени...

Секретарь бесшумно исчез.

Посетитель не заставил себя долго ждать. Раздвинулись портьеры, и в дверях показалась длинная, сухощавая фигура.

Опираясь на палку, посетитель осматривался, поблескивая стеклами больших, в роговой оправе, очков. Сдержанный поклон в сторону хозяина. Затем, не ожидая приглашения, навязчивый гость уселся в кресло, втянув в плечи — движением испуганной черепахи — свою голову облысевшего Мефистофеля.

Кресло напротив жалобно пискнуло под грузным давлением мистера Форбса. Миллиардер вопросительно поднял брови.

— Энрико Марти, профессор, — представился гость.

— Вы так настойчиво добивались меня видеть...

— Это было вызвано необходимостью. Признаться, я не ожидал, что застану вас здесь. Узнав из газет, что ваша яхта прибыла в Неаполь, я немедленно отправился сюда. Однако, к вам не легко получить доступ — я должен был выдержать целое сражение с вашим слугой.

— Дело в том, что через час я уезжаю, — сухо сказал Форбс, взглянув на часы.

Профессор кивнул головой.

— Постараюсь быть кратким... Вас, как главу «Американского Химического Треста», несомненно, должно заинтересовать мое сообщение. Если не ошибаюсь, ваш трест вырабатывает удушливые газы и вещества, их производящие. Я могу предложить свое последнее открытие — газ необычайно сильного действия...

Кресло мистера Форбса снова жалобно пискнуло. Миллиардер насторожился.

— Вероятно, вы знаете, — продолжал с увлечением профессор, — какой взрыв возмущения вызвало первое применение газов в прошлую войну. Об этом столько писали и говорили в то время. Тогда это казалось ужасным, а теперь мы попривыкли к этому, правда?

Форбс кивнул головой, со все возрастающим интересом слушая рассказ собеседника.

— Весной 1915 года, на западном фронте, германцы произвели первую газовую атаку на французские позиции. Кажется, был применен хлор. Действие этого газа на войска, неподготовленные к такому нападению, было ужасно. Отравленные солдаты, задыхаясь, искали спасения в бегстве, но большинство из них погибло. По словам уцелевших, моральный эффект был неопишем — облако надвигающегося

газа производило панику. Некоторые утилисты считали, что применение подобных газов прекратит войну. Но мы знаем, насколько ошибочны были эти надежды, — газы, более ужасные, применялись до конца войны...

Профессор точно читал лекцию, ритмически помахивая в воздухе карандашом и поблескивая стеклами очков.

— Между прочим, применение газов не так уж ново, как об этом думают. Еще спартанцы сжигали под стенами осажденных ими африканских городов деревья, пропитанные смолой и серой. Древние китайцы бросали в неприятеля «воноющие горшки». В 1532 году индейцы Южной Америки, при сражении с испанцами у реки Ориноко, успешно применяли «перечный газ». Они бросали молотый перец на скворороды с горящими угольями, выбирая время, когда ветер дул в сторону противника. А туземцы Канады смазывали рыбьим жиром сухой хворост и, посыпав его листьями с некоторых деревьев, зажигали костры, вызывая едкий, слезоточивый дым.

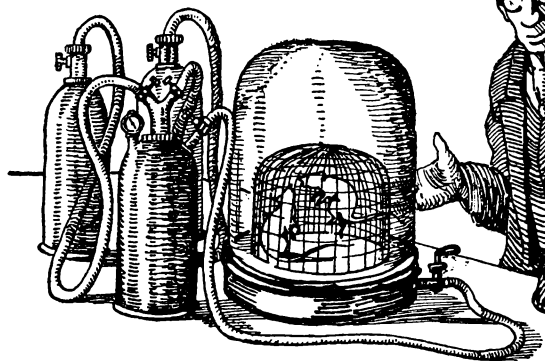
...С тех пор химия широко шагнула вперед, — к концу войны появились: фосген, представляющий соединение окиси углерода с хлором, — соединение, отравляющее и кровь и нервную систему; газы «слезоточивые», вроде хлорпикрина; «чихательные», как дефинилхлорарсин и другие; наконец, иприт — «горчичный газ». Проникая даже через одежду, иприт вызывает слепоту, наружные и внутренние ожоги, нарывы и язвы. Разлитый в виде жидкости, этот устойчивый газ впитывается в почву и делает данную местность необитаемой в течение долгого времени, — что и было во Франции.

— Вы забываете про люизит — «рося смерти!» — вставил миллиардер. — Полсотни аэропланов, сбросив бомбы с люизитом, в короткое время могли бы уничтожить почти все население Парижа или Лондона.

— О, нет! Я отдаю ему должное, — подтвердил профессор. — Но, как видите, все перечисленные газы оказывают на организм физическое воздействие, отравляя и разрушая его ткани... Действие же открытого мной газа основано на другом принципе. Оказывая раздражающее действие на нервную систему и парализуя некоторые задерживающие мозговые центры, он вызывает неистовую ярость и бесненную жажду разрушения. Достаточно вдохнуть самое незначительное количество этого газа, — и человек теряет волю. Все помыслы его направлены только на истребление. Я назвал свой газ «неронитом» — по имени безумного цезаря... Вообразите, что произойдет, если на армию неприятеля сбросить несколько бомб, наполненных сгущенным «неронитом», — продолжал он. — Пораженные безумием, войска противника начнут самоистребление, а это, в свою очередь, произведет косвен-

ное моральное воздействие на остальные части войск, — они будут охвачены паникой, дезорганизованы и, вследствие этого, небоеспособны. На войне возможности применения этого газа, я думаю, неограниченны...

В глазах профессора зажглись безумные огоньки.

Собеседники нагнулись над клеткой. Через несколько секунд профессор торжественно заявил: «Смотрите! Мыши проявляют беспокойство. Они нервно обнюхивают прутья клетки. Возбуждение — это первая стадия отравления «неронитом»!..»

— От «неронита» нет спасения! — почти прокричал он. — Противогазы против него бессильны, потому что это — «тонкий» газ, проникающий в мельчайшие отверстия и не поддающийся обезвреживанию. Притом его можно комбинировать в смеси с другими раздражающими газами. Для этой цели, например, пригоден «чихательный» газ, заставляющий сбрасывать противогазные маски, вследствие своих едких свойств. Сам по себе, «неронит» действует только на психику, не причиняя физических страданий. Смерть от него наступает — после приступа безумия — внезапно и безболезненно. Это, в общем, гуманный газ... Как вы находите? — закончил он устало.

Барабая пальцами по столу, миллиардер удивленно подумал: «Чорт побери! Так эта мумия находит свой газ «гуманым!»».

Форбс уже оценил все значение этого открытия, эксплуатация которого могла бы принести огромные прибыли ему и «Тресту», но, как опытный делец, он старался казаться не заинтересованным. Поглаживая подбородок, он ответил не сразу.

— Ваше открытие, дорогой профессор, бесспорно имеет большое значение: однако, я не склонен думать, чтоб оно внесло много перемен в области применения удушливых газов. Со времени минувшей войны, остались неиспользованными колоссальные запасы ядовитых газов. Я не ошибусь, если скажу, что одного иприта достаточно, чтобы отравить многое на нашей планете. Однако, пока только небольшая часть этих газов находит себе ограниченное применение в промышленности, а также в сельском хозяйстве и садоводстве, как средство истребления вредных для растений насекомых и дру-

гих паразитов. Ваш газ не найдет применения, пока нет войны...

— Но она может быть! Вы говорите так, потому что вы не видели «неронит» в действии! — загорячился профессор, вскакивая с кресла. — Я предвидел это. Уезжая сюда, я захватил с собой, для опыта, небольшой запас «неронита». Мой багаж остался в приемной. Жаль, что вы

не располагаете временем — я бы мог произвести маленький эксперимент.

Вместо ответа, миллиардер нажал кнопку звонка. Появился лакей.

— Сэр?..

— Принесите сюда багаж джентльмена, Джемс... Приходится отложить свой отъезд до завтра, — уже поздно, а вы заинтересовали меня. Не хотите ли сигару, профессор?

— Благодарю, я не курю.

Втащив объемистый ручной чемодан, Джемс удалился.

С гордой улыбкой фокусника, исполняющего лучший номер своей программы, профессор доставал из чемодана и расставлял на столе разные части прибора, необходимые для производства опыта. При этом он пояснял их значение:

— Вот, в этих двух небольших стальных баллонах содержатся различные газы. Это разделение дает возможность избежать нечаянного отравления при изготовлении и хранении «неронита», так как сами по себе эти газы безвредны, но, при смешении, они дают «неронит».

Профессор окончательно установил прибор, окинув их любовным взглядом.

— Достигается это посредством соединительных трубок, идущих от баллонов — газохранилищ к третьему, пока пустому, баллону. Впустив сначала некоторое количество газа из баллона номер один в пустой баллон номер три, я закрываю соединительный кран. Затем повторяю ту же операцию с баллоном номер два. В баллоне номер три произошла химическая

реакция, и образовался «неронит». Теперь я помещаю клетку с белыми мышами под этот стеклянный колпак — и герметически закрываю его. Проводящую газ трубку от баллона номер три соединяю с отверстием клапана внизу стеклянного колпака — и выпускаю туда «неронит». Он бесцветен, и поэтому его не видно, но мы скоро обнаружим его действие на мышах.

Собеседники нагнулись над клеткой. Через несколько секунд профессор торжественно заявил:

— Смотрите! Они уже проявляют беспокойство: их движения становятся быстрее, они нервно обнюхивают прутья клетки. Признаки возбуждения — это первая стадия отравления. Видите, как они бегают! Ага, они начинают покусывать одна другую — вторая стадия. А ведь это только безобидные мышки. Но вот, наступает конец — упадок сил и смерть. Хе... хе... Каков «неронит»!

Марти захихикал, потер руки и победно взглянул на миллиардера.

— Я делал опыт и над более крупными животными. Симптомы отравления одни и те же, с той лишь разницей, что более крупные организмы несколько медленнее поддаются действию газа. В своей лаборатории я мог бы показать вам более интересные опыты...

Непрерывная болтовня профессора начинала тяготить Форбса, вызывая в нем нарастающую необъяснимую антипатию к этому фанатику, поглощенному своей идеей. Миллиардер более интересовался деловой стороной вопроса. Он обратился к профессору.

— Да, действие вашего газа действительно ужасно, но меня интересует одно обстоятельство, — скажите, вы не предлагали «неронит» вашему правительству, или кому-либо еще, кроме меня?

Профессор Марти хитро улыбнулся.

— Нет. Наше правительство с удовольствием приобрело бы мое открытие, но я не дешево ценю его, и поэтому...

— Понимаю. Вы предпочитаете иметь дело со мной. Я не прочь... Но откуда этот странный запах, что-то вроде камфоры? — сказал Форбс и потянул носом воздух.

— Камфоры? — быстро переспросил ученый, бледнея. — О, дьявол! Ведь это где-то просачивается «неронит». Не могу только понять, откуда! А... а... Вот причина!

Марти лихорадочно закрутил ослабший клапан, который пропускал газ.

— Но ведь это непростительная небрежность, чорт возьми! — выругался Форбс и бросился открывать окна. Бледный, вытирая пот со лба, он возвратился на свое место и накинудся на растерянного профессора.

— Что же теперь будет? Скажите, ведь это не очень опасно?.. Мы, кажется, скоро обнаружили утечку газа?

Покачив головой, Марти нерешительно ответил:

— Как знать. Вероятно, мы вдохнули небольшое количество «неронита». Но каковы будут последствия этого, затрудняюсь сказать — ведь я не производил опытов над людьми...

— Зато теперь мы испытали это на себе! Но, если я обнаружу хотя бы малейшее проявление действия «неронита», го... Вы выйдете отсюда только в преисподнюю — дверь заперта, и ключ у меня.

— В таком случае, мы отправимся туда вместе. Ваши угрозы смешны, мистер Форбс. Все равно, происшедшее непоправимо. Будем лучше надеяться на благоприятный исход.

Марти старался казаться спокойным, дрожащими пальцами, перепачканными в кислотах, протирая стекла очков.

Миллиардер сердито выплюнул в сторону обкушенный кончик сигары и злобно посмотрел на профессора.

— Благодарю за совет. Принесла же вас нелегкая с вашим «неронитом»...—как глупо поступил я, согласившись принять вас! Возмутительно! Вместо того, чтобы болтать о достоинствах своего «неронита», вы бы лучше последили за аппаратом. Я не нахожу оправдания вашей небрежности. Ничего подобного не могло бы произойти в Америке!..

— Итак, итальянцы легкомысленны?!

Профессор нервно засмеялся.

— Ну, а вот американцы — в первую очередь, буржуа — первые люди в мире... по ограниченности умственного кругозора. Доллар заслоняет от вас все... Чтобы заставить осла итти, перед ним на палке вешают клок сена, и в погоне за ним глупое животное бежит без отдыха. Вы

поступаете точно так же, превращая человека в машину и выжимая из него все соки. Знаю я вашу Америку, «страну неограниченных возможностей»! Вы можете похвалиться тем, что в вашей «стране свободы» заживо кипятят людей на электрическом стуле и для развлечения линчуют негров. Вы, банкиры, стремитесь зажать в кулак Европу и весь мир. Ваш гордый, стопроцентный американизм не хочет признать теорию Дарвина, и вы предаете суду людей, которые осмеливаются доказать ваше происхождение от обезьяны...

— Замолчите, каракатица! — заорал Форбс, схватывая со стола тяжелое пресс-папье и замахиваясь им на профессора. Тот от ужаса икнул, закрывая руками голову.

Баровое лицо Форбса, с неестественно выкатившимися глазами, с перекошенным от ярости ртом, превратившимся в бездонную пропасть, — было последним мироощущением профессора Марти. Затем — страшный удар по голове навсегда погрузил его сознание во мрак...

Миллиардер, нагнув голову, тупо осматривался вокруг, как разъяренный бык. Им овладела свирепая жажда разрушения. Схватив толстую палку профессора, он бросился сокрушать все предметы, попадавшиеся ему на глаза. От удара погасло электричество, но и в темноте Форбс продолжал неистовствовать — он испытывал безумную радость от этого разгрома.

Внезапно, чувствуя, что колени его дрожат, он тяжело опустился на пол, среди обломков произведенного им разрушения.

— Замолчите, каракатица! — заорал Форбс, схватывая со стола тяжелое пресс-папье и замахиваясь им на профессора.

В глазах егоплыли огненные кольца... Тысячи молотов стучали в голове... Все обволакивал густой, горячий туман...

... Толстая запертая дверь содрогалась под натиском людей, ломившихся в нее снаружи...

Дракон, пожирающий солнце

Рассказ из древне-китайской жизни Н. Могуچه

Название «Китай» — позднейшего происхождения, идущее от имени династии Кидань, царствовавшей в X—XI веке нашего летоисчисления. Древнейшие названия этой обширной страны: Тянь-ся (поднебесная империя), Чжун-хуа-го (срединное цветущее государство), Чжун-Юань (срединная равнина), или еще чаще Чжун-го (срединное царство), так как жители Китая думали, что их страна расположена посреди всего мира.

Та далекая эпоха, которую затрагивает рассказ Н. Могуچه, переносит нас к господству в Китае династии Хиа. В это время в «Срединном царстве» уже была своеобразная культура, был в употреблении правильный календарь, десятичная, как у нас, система счисления, были устроены дороги и оросительные каналы, содержался флот, велись правильные наблюдения небесных явлений штатом особых «придворных математиков», давших первые «журналы астрономии» — Хи и Хо... Социальная лестница насчитывала уже много ступеней, и, в соответствии с этим, формировались своеобразные (характерные и для теперешнего Китая) надстройки в бытовом укладе, отраженные и в помещаемом здесь рассказе: обрядность, церемониалы, традиции, знаменитый китайский этикет. В государственном устройстве уже явно наметились черты феодализма. Отдельными частями государства были владения князей, старшим над которыми был император. Отсюда — частые междоусобия и неурядицы. Народ голодал, удерживался в полной духовной темноте и невежестве. Вся наука и культура того времени призвана была служить политическим целям правящих верхов, а рядовой китаец если и чувствовал их влияние, то разве только в тех тяготах, которые, как на раба, накладывали на него «просвещенные» затем князей и императоров...

Почтенный Хи — «мудрец третьей степени» и старший придворный «наблюдатель небес» в Пекине — спокойно посмотрел на своего собеседника и проговорил:

— Мудрейший Хо! Ты, опытность которого затмевает мои ничтожные знания и которого наш повелитель Хоан-ти 1)

1) Хоан-ти (дословно — «повелитель желтой земли») — один из древнейших титулов китайских императоров. «Желтая земля» — лёсс — плодороднейшая почва, которая и теперь дает возможность малоземельному крестьянству перенаселенного Китая кое-

назначил вместе со мной, недостойным, наблюдать за небом и вычислять движение звезд, — ты, конечно, лучше моего знаешь все то, что я хочу тебе рассказать...

Хи на минуту умолк. Хо не нарушал молчания старшего товарища. Он только слегка подвинулся к говорившему и приподнял правую руку с вытянутым в знак

как — в нищете — существовать. Только эта почва может окупить каторжный труд над ней земледельцев, работающих на крошечных участках (и то, большей частью, арендованных у помещиков).

Свирепая жажда разрушения овладела Форбсом. Схватив толстую палку профессора, он бросился сокрушать все предметы, попадавшиеся ему на глаза.

почтительного удивления и похвалы большим пальцем.

Хо был ученым второй степени ¹⁾ и мечтал о третьей, которой достиг уже Хи.

— Давно то было,—начал Хи,—в незапамятные времена, много тысяч лет назад. Рода и земля; небо и светила, воздух и огонь—все было смешано в хаос. Если бы ты, мудрейший Хо, мог взглянуть тогда на мир, ты подумал бы, что доброе, хорошо перебродившее вино застилает твои глаза.

Хи прищелкнул языком. Хо, тысячу раз слышавший эту басню о происхождении мира, постарался, однако, изобразить на своем одутловатом лице самое глубокое внимание. Хитрый Хо знал, что не спроста Хи упомянул о перебродившем вине, и предвкушал удовольствие отведасть этого дара щедрой богини Инь ²⁾.

Действительно, Хи поднял руку и слегка ударил в небольшой тамтам ³⁾. На зов появился слуга, и через минуту оба «наблюдателя неба» потягивали розоватую влагу, которой славилась благодатные провинции юга.

— Шанго!—прошептал Хи, делая большой глоток и прищуриваясь.—Хаос, хаос и еще раз хаос,—продолжал он прерванный рассказ.—Посмотрел на все это светлый Ян ⁴⁾ и сказал: «пу-шанго!» ⁵⁾. Возьму в жены черноволосую Инь. И от брака Неба и Земли произошла вселенная. Хаос принял форму яйца, яйцо лопнуло и из него возродился мир в том виде, в каком видим его сейчас. Прошло время, и земля родила Пань-гу, первого человека... Пусть духи предков покровительствуют твоим начинаниям, мудрейший Хо!..

Хи сделал несколько больших глотков. Хо не отставал; на его круглом лице начал появляться отблеск присущего ему юмора. Движения собеседников делались развязнее. Под влиянием вина оба забыли те церемонии этикета, которые так обязательны, даже в обыденной жизни китайца.

— Хе, хе, хе!—засмеялся Хо.—Почтенный Хи согласится со мною, что жизнь Пань-гу была очень плохая. Он был один, и ему нужно было самому работать на себя.

— Да,—подтвердил развеселившийся Хи,—тысячи рабов готовят этот сок, который так веселит сердце и бодрит ум. Пань-гу не имел его. Его питали отец Ян и мать Инь, и питали так, как кормят ребенка, когда у него свистит тайфун в желудке.

Оба расхохотались. Хи смеялся продолжительно и громко; Хо вторил ему пискливым смехом.

— Постой, постой, мудрый Хо,—проговорил, наконец, Хи.—Пань-гу жил долго. Да вымолят и тебе духи предков такую долгую жизнь. А когда Пань-гу умер, дыхание его сделалось ветром, голос—громом, а насекомые на теле стали людьми.

— Достопочтеннейший Хи,—прервал рассказчика Хо, с тревогой оглядываясь по сторонам.—Бойся, мудрейший. своего голоса, так как здесь и стены имеют уши. Ведь, если человечество произошло от нечистых насекомых, то от кого же произошел...

¹⁾ С давних времен в Китае существует три степени учености.

²⁾ Инь — земля.

³⁾ Гонг — инструмент в виде медного таза, сколоченного из проволок.

⁴⁾ Ян — небо.

⁵⁾ Шанго — хорошо. Пу — приставка, обозначающая отрицание. Пу-шанго — нехорошо.

Голос Хо понизился до шопота, и он продолжал:

— От кого же произошел сам Хоан-ти, могущественный владыка нашей страны?..

Хи несколько минут с изумлением смотрел на Хо и вдруг расхохотался.

— Это было самое большое, самое беспокойное, самое прозорливое насекомое, мудрейший Хо,—проговорил он, захлебываясь от смеха.

— Хе, хе, хе!—засмеялся и Хо.—Императорское насекомое!..

— Левый глаз Пань-гу сделался солнцем, а правый лунной...

При этих словах рука Хо, державшая чашу, остановилась и застыла на полпути. Выражение беспокойства отразилось на его лице. Хо сделал несколько глотков и, поставив чашу, проговорил:

— Почтеннейший Хи, многие важные дела... гм, гм... помешали мне... гм, гм... углубиться в премудрую книгу Неба и вчитаться в движение светил. Скажи мне, мудрейший Хи, скоро ли луне в ее неизменном и изученном тобою движении предопределено заслонить собой солнце?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Наши математические летописи говорят, что скоро луна затемнит диск солнца.

— Надеюсь, что не раньше, чем мы осумим с тобой, мудрый Хо, этот кувшин вина. Один мудрец сказал, что не должно делать сегодня того, что можно отложить на завтра. У нас есть еще время, чтобы предупредить народ о появлении дракона, пожирающего солнце.

Хи расхохотался.

— Ты знаешь, Хо, о чем я иногда думаю,—продолжал Хи.—Я думаю, что конец пришел бы нашему сытому покою, если бы все кули и лодочники узнали,

что дракон вовсе не пожирает солнца и что все мы произошли от тех же насекомых, что и они... Это было бы пушанго.

— Пу-шанго,—бормотал охмелевший Хо.

— ... И нас бы заставили работать.

— Пу... пу... пу-шанго!..

Хо смеялся мелким смешком, его глазки прищуривались, а большой живот содрогался от неудержимого веселья, охватившего его опьяневшее тело.

— К нашему благо... благополучию, сам псевдитель боится дракона...

— Да, наша каста и каста жрецов умеют держать свои тайны, мудрый Хо. Возьми бамбуковые пластинки и просмотри таблички «сароса» — повторяемости затмений.

* *

Появление слуги внезапно прервало беседу «наблюдателей неба».

— Высокого и премудрого Хо спрашивает его ничтожнейший раб с вестью от прекраснейшей лилии, его супруги.

Хо недоумевал. Что бы это значило? Кто осмеливается беспокоить его, когда они с мудрейшим Хи заняты трудами, исчисляя и предугадывая пути небесных светил? Разгневанный Хо хотел было обрушиться на слугу, который в позе почтительнейшего смирения остановился в дверях. Но тот протянул ему пластинку. На ней было вырезано изображение лука и стрелы.

Слуга вышел. И только тогда почтенный Хо дал волю чувствам. Он подпрыгнул и грузно перевалился с ноги на ногу, потом издал непонятный звук и, повернувшись к спокойно дремавшему Хи, заговорил громко и поспешно:

Проворная стража тащила на базарную площадь обезумевших от ужаса Хи и Хо. Их кофты были разорваны, виднелось голое тело, шаровары висели клочьями...

— Славные предки мои—Син, Юй, Ван, Чен покинули нас давно, оплакиваемые и прославляемые за свои добродетели. Я—недостойный их потомок—унаследовал малую крупницу их мудрости. Три дня—в память Сина; три дня—в память Юя; три дня—в память Вана; и три дня будем прославлять Чена. Целую джонку ¹⁾ вина из лучших виноградников юга и боченок жгучей воды, которую выделяет мудрый север...

Проснувшийся Хи с удивлением смотрел на приятеля. Вдруг он вспомнил, что Хо должен был взять таблицы. Тень тревоги пробежала по лицу старшего «наблюдателя неба».

— Три дня!—воскликнул он.— Скорее!..
— Мудрейший Хи, ты прав, как может быть прав сам повелитель. Да, три дня. Я думаю, я уверен, что сделаю приятное и духам очага, и духам дверей, и духам воздуха, и духам огня, и всем духам хранителям, которые охраняют наш покой—если три дня будем почитать незабвенного и мудрого Сина, три дня—Юя, три дня Вана и столько же Чена. И если мы выпьем джонку вина...

— Шанго! Хорошо!—воскликнул начавший соображать Хи.—Твоя прекрасная и почтительная супруга...

— ... прибавает лук и стрелы к воротам нашего убогого жилища, куда уже стекаются друзья и родные нашей семьи!..

— Шанго!—воскликнул Хи.
Они вышли из помещения «придворных математиков», легонько поддерживая друг друга, и вскоре подошли к дому Хо. Там было оживление. Уже собралась родня, друзья и знакомые, чтобы поздравить Хо с рождением сына, единственного сына...

* * *

Для китайца самое большое несчастье не иметь детей. И Хо неоднократно задавал себе вопрос:

«Когда оборвется нить моей жизни, кто будет воздавать почести моей памяти?»

Когда же, наконец, после долгих ожиданий у него появился сын, радость Хо не имела границ. Он потирал от удовольствия руки, смеялся мелким смешком и даже с час пролежал ничком в домашней кумирне.

Радостный ходил он среди гостей. Музыканты гремели в тамтамы, жалобно пели рожки, и так бодро смеялись и веселили гостей трещотки. Десятки кушаний сменяли одно другое. Пили сок, выжатый из гроздей южных виноградников, пили рисовое вино, и Хо удивил присутствующих новым напитком, привезенным с севера от диких, воинственных монголов. Попробовал его Хо, и такое умиление нашло на ученого, что захотел он снова и снова вознести благодарственные молитвы славным духам предков—Сина, Юя, Вана, Чена. Распростерся он на полу кумирни и сразу заснул мертвецким сном.

* * *

Когда Хо проснулся, солнце было уже высоко. Оно плыло по ясному, безоблачному небу, и под его золотыми лучами приятно пахли розы.

У Хо болела голова, во всем теле чувствовалась усталость. Он вышел на воздух.

Время клонилось за полдень, но свежий прохладный ветер внезапно согнал полуденный жар. Его порывы усилива-

лись. Тени от деревьев сгустились. Безоблачное яркое небо нахмурилось, подернулось легкой голубовато-зеленой пеленой.

Встревоженный Хо огляделся. Он бросил взгляд вверх, желая увидеть тучи—предвестницы наступающей бури. Небо было потемневшее, глубокое, но безоблачно чистое. Только какая-то темная масса неутомимо и грозно наступала на солнце и слегка прикрывала уже край его овального диска.

Ноги Хо подкосились. Ужас сковал его. Он хотел крикнуть, но только глухой хрип вырвался из пересохшего горла.

И вдруг, почти рядом с ним раздался вопль испуга. Громким, резким голосом кричал высокопочтенный Хи, мудрец третьей степени, и этот крик мало походил на обычно спокойные и неторопливые речи старшего придворного «наблюдателя неба».

— Дракон!..—и Хи бросился бежать.
За ним кинулся Хо. Друзья помчались к императорскому дворцу—туда, где хранились таблицы «сароса»—чередования затмений.

Они бежали с обнаженными головами, их шелковые шапочки давно уже упали с головы, но этого неприличия и позора не замечали ни Хи, ни Хо.

* * *

Дракон пожирал солнце. Благодаря небрежности придворных наблюдателей Хи и Хо, ему не были принесены уместительные жертвы. Жрецы бездействовали, храмы были пусты.

Дракон пожирал солнце. Оно, дающее свет, радость и жизнь всему «Срединному Цветущему Царству», исчезало в пасти чудовища, и только огненные брызги клубились над черной головой наступающего дракона.

Все замерло в ужасе. В лесах беспокойно заметались птицы, завывали тощие пекинские псы, и резкий холодный ветер всколыхнул желтые воды рек.

Ужас охватил всех, начиная от императорского дворца и кончая убогим шалашом бедняка. Люди выскакивали из жилищ, бросались ниц, лежали неподвижно, потом вскакивали, бежали, как безумные, махали руками и... кричали, кричали, кричали... Шумом и криком они старались испугать дракона, отогнать его от намеченного им пути и тем спасти солнце и свою жизнь.

* * *

Без солнца погибнет все!..

Крича, они неустанно стучали в медные листы, в домашнюю утварь, в доски; колотили во все, что попадалось под руку. А жрецы в храмах воздевали руки вверх и воссылали молитвы к светлomu, лучезарному божеству неба—Яну. Они умоляли его спасти от гибели «жемчужину неба», они вопили, что слава Яна померкнет без этого огненного рубина, но они ничего не говорили о себе, о том, что без солнца они сами погибнут.

Темное тело дракона все более и более охватывало массу солнца. Оно захватило уже половину золотого диска.

Дракон наступал. Все угасало и угасало лучи солнца. Сумерки—предвестницы страшной ледяной ночи спускались на землю.

И вновь в подьеме отчаяния заволновалась толпа. Крики ярости и оскорбления повисли в воздухе. Людская лавина бежала на базарную площадь, кого-то проклиная, кому-то угрожая.

Среди этой толпы проворная стража тащила обезумевших от ужаса Хи и Хо. Их кофты были разорваны, виднелось голое тело, шаровары висели в клочьях.

Толпа спешила. Тысячи глаз устремились на дракона, который пожирал солнце, тысячи глоток кричали:

— Остановись! Вот те, которые оскорбили тебя! Ты получишь их в жертву!..

Вдруг все стихло. Потом точно тысяча вздохов вырвались одновременно из одной груди.

Толпа ахнула и заволновалась. В руках палачей были окровавленные головы Хи и Хо... Их протягивали к дракону...

Единодушный вздох облегчения вылетел из тысячи грудей. Радостный крик покрыл все движение и шум.

Темное тело дракона скользнуло вверх, и из-под его массы вновь прорвался луч. Эти лучи все увеличивались. Дракон медленно уплывал. Солнце, радуясь спасению, вновь бросало яркий свет на беснующуюся от радости толпу...

* * *

В летописях Китая, между 2159 и 2128 г.г. до нашей эры отмечено то роковое солнечное затмение, которое стоило жизни небрежным придворным «наблюдателям неба»,—Хи и Хо, казненным по повелению владыки «Срединного Цветущего Царства».

АМЕРИКАНСКИЙ ПОТОП

Миссисипи — „Отец Вод“.

На юг от Великих Озер, в период вторжения торгового капитала в Северную Америку, по левому берегу среднего течения Миссисипи жили многочисленные воинственные племена индейцев, известных под общим именем алгонкинов. Они-то и дали этой реке название, сохранившееся и до наших дней. «Misi Sepe» или «Misi Sipi» на алгонкинском языке означает: «Великая Вода» или «Отец Вод». (Большинство пишет по-русски — Миссисипи; но более свойственно нашему языку — Миссисипи).

Словом, уже в те отдаленные времена индейцы, посещавшие Великие Озера и знакомые с громадным водным бассейном р. св. Лаврентия, а также с огромными притоками Миссисипи—Охайо и Миссури, все же считали Миссисипи самой большой рекой своей страны.

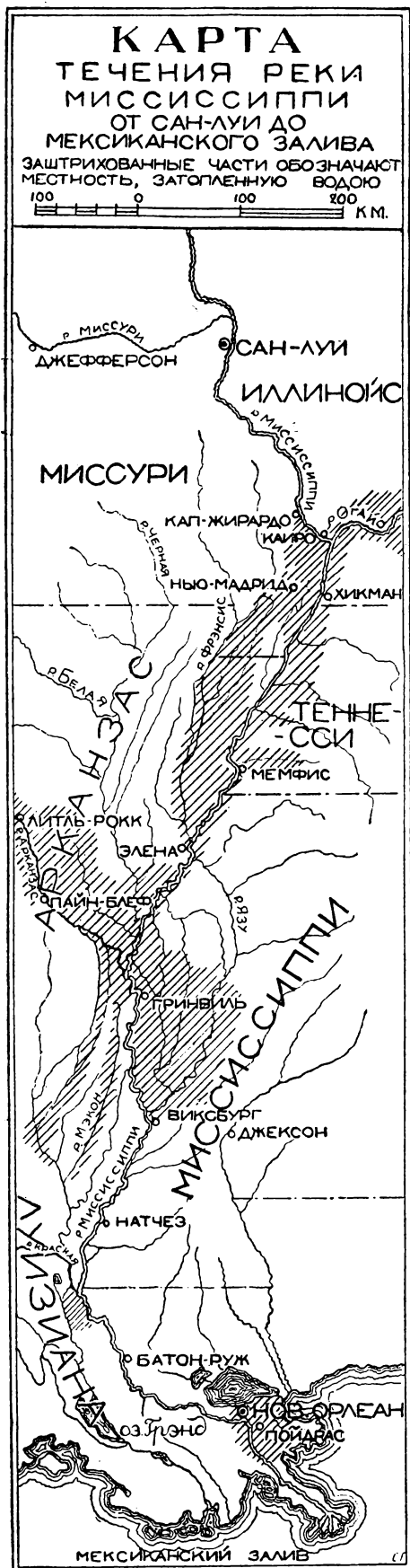
Обыкновенно в весенний период, когда на истоках Миссисипи начиналось таяние снега, а вслед затем нередко наступало дождливое лето, огромная река внезапно выходила из берегов. Разливы ее наводили на индейцев панический ужас.

Гигантский поток лавиной устремлялся от левых берегов реки к югу, унося на своем пути жилища, скот и людей. Сила его достигала таких невероятных размеров, что нередко целые районы девственного леса оказывались выкорчеванными.

Алгонкины не имели ни средств, ни возможности бороться с такой стихийной силой. Они бежали от настигавшего их потока на более возвышенные места и выжидали там, пока не успокоится река.

Алгонкины не боялись голодной смерти в течение нескольких недель такого потопы. Не им одним приходилось искать спасения на холмах. Тысячами искали там же убежища всевозможные животные,

¹⁾ Джонка—трехмачтовое парусное плоскодонное судно в Китае.

а потому ни в пище, ни в одежде индейцы недостатка не ощущали.

Многие спасались на пирогах (лодках), выдолбленных из древесных стволов или сделанных из коры и звериной кожи.

Но вот поток пронесился на юг, к Мексиканскому заливу, и население или возвращалось обратно к насиженным местам, или уходило подальше от «Великой Воды», куда-нибудь в глубь материка...

Беря начало в ледниках высоких гор, у озера Итоска на севере, река течет на юг к морю, представляя собой как бы текущий меридиан. Миссисипи является естественной разделительной линией для всей территории Соединенных Штатов. Направление ее течения оказывает влияние на климат, культуру, характер населения. Миссисипи резко делит Соединенные Штаты на восточные и западные. Река же является самым главным торговым водным путем континента, соединяющим северную его часть с южной.

Извиваясь бесчисленными кольцами среди плодородных хлопко-промышленных районов, река эта имеет громадное экономическое значение для современной Америки.

Величественный вид представляет собой Миссисипи на всем своем протяжении. По обе стороны ее течения раскидываются саванны или прерии. Местами она течет среди сосновых и кипарисовых лесов, а в верховьях дробит воды о бесчисленные пороги и водопады.

Но в особенности хороша Миссисипи при слиянии с Миссури. Во время половодья перед путешественником здесь открывается великолепное зрелище. Миссури своими желтыми водами врывается в голубую гладь Миссисипи, и оба эти потока — каждый до километра шириной — несутся далее гигантскими водоворотами.

Вода Миссури тяжелее, она насыщена наносным илом, и ей приходится уступить место прозрачной струе Миссисипи. Бурля и словно негодуя на мощную соперницу, желтый поток Миссури устремляется вниз, образуя круги и спирали на кристаллической голубой поверхности Миссисипи. Поверхность реки принимает вид разноцветного мрамора.

Голубоводный поток Миссисипи все больше и больше прижимается к левому берегу. Наконец, он уступает, смешивается с одолевшей его желтой водой и мчится дальше к югу в виде грязной илистой реки.

Насколько важна для американцев эта

река, настолько же она нередко причиняет им громадные убытки и нескончаемые заботы.

Миссисипи почти на всем своем протяжении течет в искусственных берегах. Веками, благодаря наносам, ее русло поднялось над поверхностью земли. Пологие — также наносные — берега во время половодья не выдерживали сильного напора воды и местами прорывались.

Впервые европейцы занялись укреплением берегов Миссисипи в XVIII столетии. Французский инженер Ла-Тур построил искусственные береговые заграждения реки вблизи Нового Орлеана. Его примеру стали следовать плантаторы, и в настоящее время такие берега и всевозможные запруды и заграждения простираются на протяжении 1550 миль, представляя собой сооружение в 445 000 000 куб. ярдов земли, камня и цемента.

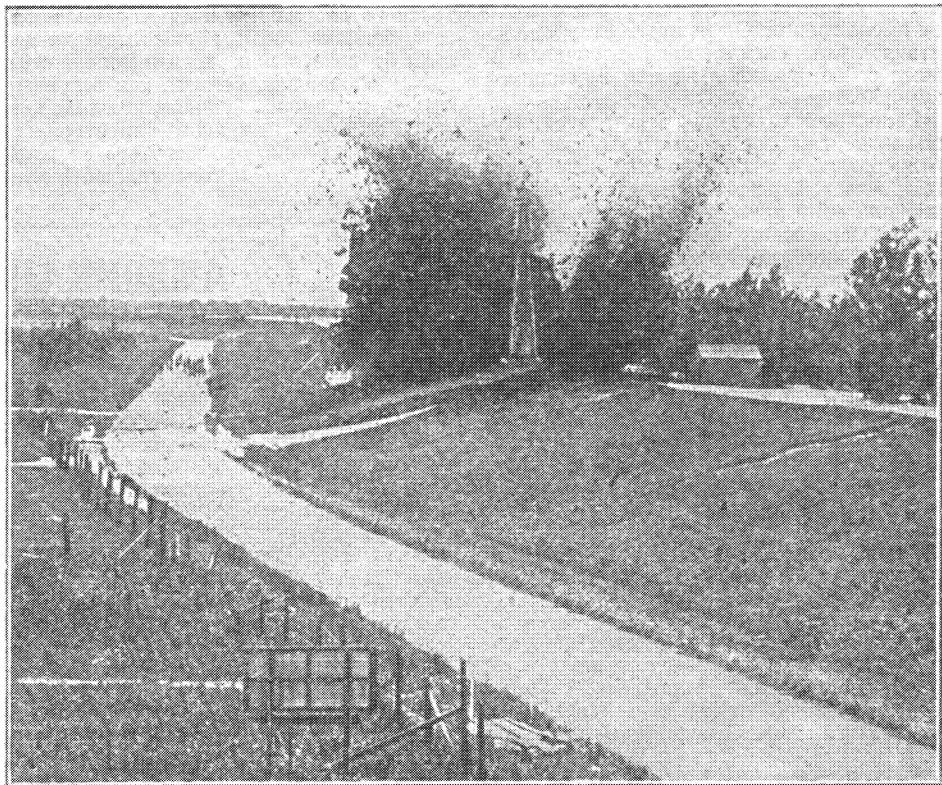
Однако, все эти сооружения не предотвращали катастроф. Береговые укрепления то в одном, то в другом месте прорывались, и чудовищные потоки воды, увлекая за собой пароходы, устремлялись на заселенные места, разрушая фермы, селения и затопляя города.

Правительство Соединенных Штатов издавна стремится найти средство для предотвращения этого бедствия. Специальной комиссии для борьбы с наводнениями ежегодно отпускается 10 000 000 долларов. В результате количество прорывов уменьшается, но последствия их с каждым разом становятся пока все более и более трагическими...

Б. Р.-Б.

Гнев „Отца Вод“.

В конце апреля и в мае текущего года в долине реки Миссисипи произошло небывалое бедствие. Вода прорвала в пяти местах береговые укрепления реки. Водой оказалась затопленной культурная площадь семи штатов в 15 000 кв. миль, — площадь, приблизительно равная всей Швейцарии. В штатах Иллинойс, Мисси-

На значительном протяжении воды Миссисипи скованы дамбами, поднимающими на большую высоту уровень реки. Рисунок изображает момент подрыва дамбы у Н. Орлеана.

сипи, Миссури, Кентукки, Арканзас, Теннесси и Луизиане залиты города, селения и фермы. Во многих местах вода доходила до крыш одноэтажных зданий. Более 300 000 человек, из которых подавляющее число земледельцев, не только лишились всего своего имущества, но остались без крова. Унесено водой не мало людей и скота. Убытки пока неисчислимы, они должны выразиться во многих сотнях миллионов долларов.

Наводнение текущего года по своим размерам явилось небывалым в истории Соед. Штатов стихийным бедствием. Искусственные насыпи — дамбы, растянувшиеся на тысячи километров по обоим берегам реки, на этот раз представили недостаточную защиту.

Быстрый подъем воды застиг население врасплох. Всякое сообщение было нарушено. Железнодорожное и автомобильное движение прекратилось. Телеграф и телефон бездействовали. Население оказалось предоставленным самому себе. В этот первый, апрельский период наводнения зарегистрировано было наибольшее число жертв.

Затем правительственные и общественные организации поспешили послать первую помощь. В пострадавшие районы были двинуты целые флотилии пароходов, лодок и барж. Военные радиотелеграфисты торопились наладить необходимую связь. Дважды в день шесть военных самолетов облетали затопленные районы, давая указания о ходе разлива и в нужных случаях выручая пострадавших и снабжая их провиантом.

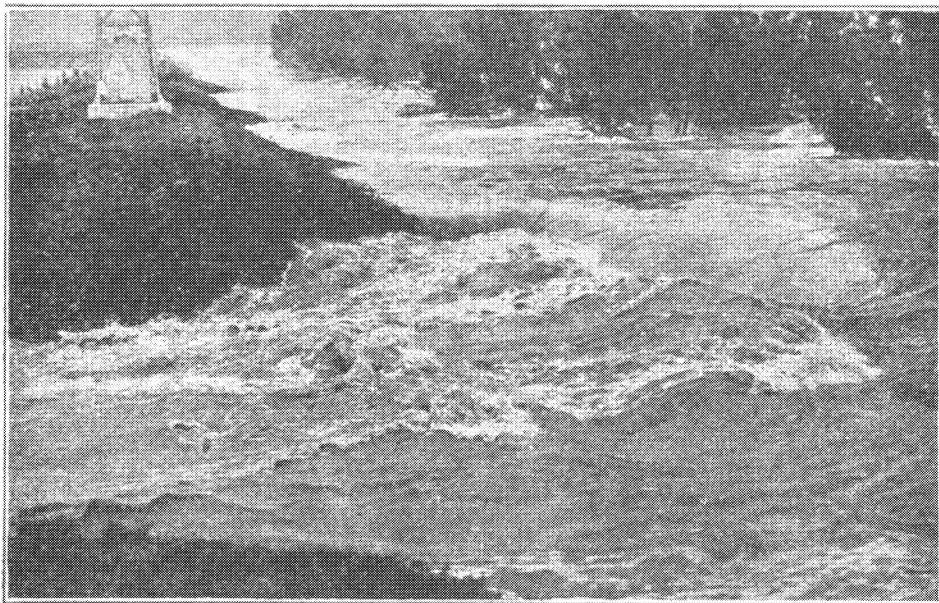
В начале мая выяснилось, что разлив грозит Новому Орлеану, большому цветущему городу с населением в 500.000 чел., центру хлопковой торговли, расположенному в 177 км от устья реки, которая у города достигает ширины 1 км при 35 м глубины.

Для предохранения от разлива, город был окружен мощной дамбой длиной в 200 км, рассчитанной на подъем воды на 12 м выше ординара. Разлившаяся вода достигла, однако, верхнего края дамбы, угрожая городу. Спешно набранные рабочие стали укреплять дамбу мешками с землей, которые подвозились целыми поездами. 1½ миллиона мешков нехватило, и понадобилось добавить еще 2 миллиона.

Не помогло и это средство, и тогда для спасения города решено было взорвать дамбу в Пойдрасе, в 12 км ниже по течению, чтобы дать сток воде. В дамбу было заложено в нескольких местах 1350 кг динамита. Взрыв образовал огромную брешь в 180 м, куда хлынули массы воды, затопляя огромные пространства и уничтожая на своем пути населенные сельские участки. Из некоторых районов население пришлось удалять силой, несмотря на то, что городское управление обязалось возместить все убытки...

В результате уровень воды у города понизился на несколько сантиметров, и непосредственная опасность миновала.

Между тем, медленно прибывавшая вода затопляла все новые районы. Изо дня в день газеты сообщали о новых сотнях тысяч десятин залитых хлопковых плантаций, о сотнях тысяч пострадавших, которые разместились на пароходах, на баржах и в наспех устроенных лагерях по возвышенным берегам реки. Скот и домашняя обстановка обычно оставались на произвол судьбы. В довершение несчастья в затопленных районах произошло землетрясение и местами пронесся ураган, причинивший новые бедствия.

Бурные потоки воды разлившейся Миссисипи, находящие себе выход сквозь образовавшийся после взрыва дамбы прорыв.

Напором мощных масс воды в нескольких местах размывало дамбы в тех районах, где население до некоторой степени чувствовало себя в безопасности. В результате прорыва одной такой дамбы городок Мельвилл, откуда население едва успело убежать, скрылся под водой в какие-нибудь полчаса!

Еще более серьезные последствия вызвал прорыв дамб в штате Луизиана, в районе сахарно-тростниковых плантаций, которые были почти целиком затоплены. Вода устремилась далее, и на территории штата образовалось как бы огромное озеро шириной почти в 100 км и до 300 км длиной.

Штат Луизиана является крупным промышленно-охотничьим районом, изобилующим всякого рода зверем и дичью. Значительная часть животных, особенно плохо плавающих, несомненно погибла.

Весьма важную статью промысла для охотников составлял здесь зверек из семейства грызунов, так называемая мускусная крыса или ондатра, величиной с небольшую кошку, дававший ценные меховые шкурки, которых в год собиралось на 5 миллионов долларов. Для спасения этого зверка на воду были спущены деревянные плоты. Скоро ондатры во множестве набрались на плоты, куда также забирались, спасаясь от воды, кролики, змеи, ласки и другие животные.

К концу мая вода в большей части долины Миссисипи пошла на убыль, хотя некоторые районы вследствие новых дождей были затоплены вторично.

По официальным данным, число пострадавших от наводнения в пяти затопленных штатах составляет 700 000 человек. Число утонувших или погибших от других причин с связи с наводнением не превышает, как теперь выяснилось, 250 человек.

Такого бедствия Соединенным Штатам переживать еще не приходилось, и пострададо больше всего, разумеется, трудящееся население...

Б. Вл.

Проекты борьбы с наводнениями.

Теперешнее наводнение является по счету тринадцатым с 1882 года, когда под водой было 10 000 кв. миль и убытков причинено на 500 000 000 долларов.

С тех пор американские техники не перестают ломать головы над изысканием способа борьбы со стихией реки.

Выдвигался проект устройства скопного бассейна в окрестностях города Кайро, в штате Иллинойс. Однако, по вычислениям инженера Таусэнда такой бассейн должен быть площадью не менее 7 000 квадратных миль, равняясь по величине штату Нью-Джерси. При этом глубина его определена в 15 футов, а берега должны быть снабжены цементированной обкладкой.

Такой скопный резервуар обойдется в миллиарды долларов и удержит поднятие уровня воды в реке всего на один день.

Прорытие отводных каналов, по мнению американских специалистов, также не даст желаемых результатов.

Остается единственное средство: возведение солидных искусственных берегов Миссисипи до значительной высоты. Такое сооружение, по подсчету того же Таусэнда, будет стоить государству больше полумиллиарда долларов.

Если на прорытие Панамского канала нашлось 360 000 000 долларов, и еще более солидные суммы потребуются для сооружения намеченного к постройке Никарагуанского канала, то непонятно, как это до сих пор американское правительство не ставило такого серьезного вопроса, как обеспечение своего трудового населения от катастрофических разливов Миссисипи.

Если в среднем считать, что каждое наводнение причиняло 300 000 000 долларов убытка, то 13 их обошлась Америке в 3 900 000 000 долларов.

Нынешний американский потоп заставил, наконец, серьезно призадуматься «народных представителей» Соединенных Штатов. До сих пор вопрос борьбы с миссисипским наводнением считался внутренним делом каждого штата, который подвергался затоплению.

Прочие же не хотели принимать участия в расходах на борьбу с этой стихийной силой. Теперь же впервые выставляется в конгрессе этот огромный важности вопрос, как национальный.

Не придется ли американским империалистам отказаться от прорытия канала через Никарагуа в пользу Миссисипи, так как с той и другой задачей одновременно не управиться даже и богатой Америке?

Чудесная канонерка

Морской рассказ-загадка И. Окстона

Тубо отошел от деревни, вероятно, на целый километр, а Пиль все еще не покидал гостеприимной хаты, где он, отдыхая после обеда, развлекался беседой с дочерью хозяина.

Он догнал Тубо у 105-го телеграфного столба; а так как на километр приходилось 15 столбов, то, следовательно, приятели вновь сошлись в конце седьмого километра.

— Сапсан обязательно догонит куропатку, а автомобиль пешехода, — сказал Пиль не без оттенка гордости, хлопнув Тубо по плечу.

— Не всегда, — ответил Тубо, не оборачиваясь.

— Конечно, если сокол будет лететь, как мокрая курица, он не догонит куропатки. И если автомобиль будет плестись, как молочная фура...

— Э, не в этом суть! — насмешливо прервал приятеля Тубо. — Иной раз может случиться, что и при полном ходе...

— Ну, ты, я вижу, начал мудрить, — в свою очередь перебил собеседника Пиль недовольным тоном.

— Насчет скоростей передвижения разных тел, животных и механизмов, нужно ли много спорить? — продолжал Пиль. — Если товарный поезд пробегает в час 30 километров, то, ясное дело, голубь, летящий со скоростью 60 километров, движется вдвое скорее поезда. А голубя оставит позади себя ласточка, способная пролететь в час сотню километров. Аэроплан через час будет вдвое дальше ласточки, а пушечное ядро обгонит аэроплан, как человек обгоняет черепаху... Или ты стоишь за справедливость софизма¹⁾, что Ахиллес никогда не догонит черепахи?

— Нет, этого я не скажу. Но и тогда эта простая задача — догнать черепаху — может оказаться Ахиллесу совершенно не под силу.

Пиль в досаде махнул рукой, дав этим понять, что дальнейшие пререкания на эту тему он считает совершенно излишними.

Через два десятка километров путники расположились отдохнуть на придорожном дерне. Попыхивая папироской, утомленный ходьбой Пиль безучастным взором следил за жуками и козявками, копошившимися на пригретой солнцем почве. Из травяной заросли на тропинку вылез дождевой червь и пополз по гладко утрамбованной глине.

— Откуда ты взялся? Тебе здесь не место, — пробормотал Пиль, следя за движением червяка. Он вынул часы и заметил положение секундной стрелки и место червяка на тропинке.

— В 15 секунд — 18 сантиметров! Недурная скорость для червя.

В руках у Пиль появились записная книжка и карандаш. В результате его арифметических выкладок получилось, что червяк проползет расстояние от Москвы до Ленинграда, приблизительно, в 555 суток, 12 часов и 30 минут — при условии непрерывности путешествия, на что, конечно, не способен даже самый живучий червь. Но пусть червяк отдыхает по 8 часов в день и дайте ему возможность прожить 33 года — и он возьмется проползти рас-

стояние, примерно, от Москвы до Владивостока (на зимнее время не забудьте снабдить червя теплой шубой). Выходит, стало быть, что и при малых скоростях можно покрыть большое расстояние, лишь бы путешествие не было ограничено во времени...

Но и эта ничтожная скорость червя покажется колоссальной обитателю микроскопического мирка. А что мы, «владыки земли», можем назвать колоссальной скоростью? Ну, хотя бы скорость полета земного шара в пространстве. 30 километров в секунду!

Но ведь земной шар имеет поперечник около 13.000 километров. А для такого большого тела 30 километров в секунду — скорость ничтожная.

Вообразите, что два мальчика играют мячом, имеющим диаметр в 10 сантиметров. Мальчики находятся один от другого на расстоянии 5 метров. Если мяч, брошенный одним мальчиком, по направлению к другому, будет пролетать, как земной шар, в секунду $1/433$ своего диаметра, то он пролетит разделяющее мальчиков расстояние в 37 минут!.. Размышления Пиль нашли отклик в голове Тубо.

— Вот ты говорил: сокол обгонит куропатку. А со мной был такой случай, что куропатка утерла нос соколу.

— Хорош же был сокол! — отозвался Пиль, обрадованный тем, что Тубо возвращается к теме их недавнего спора.

— То-то, что сокол был без изынка, — проговорил Тубо. — Ты когда-нибудь видел морские военные суда?

— Мне случалось бывать в Кронштадте.

— А я шесть лет прослужил в военном флоте и половину этого времени провел на войне. Служил я на канонерке «Каракатица». Однажды, когда наша канонерка совершала рискованный переход с целью соединения с остальной эскадрой, в океане показался дымок. Это был большой неприятельский крейсер. Он погнался за нами полным ходом.

Нас разделяло расстояние в 25 километров. До базы нашего флота было не менее 300 километров. Канонерка удирала со скоростью 20 километров в час, а неприятельский крейсер догонял нас со ско-

ростью, не меньшей 30 километров¹⁾. Ясное дело, мы не успели бы доплыть до базы. Принять бой — значило бы наверняка пойти ко дну, так как крейсер расстрелял бы нас своими дальнобойными пушками.

Тем не менее, наш командир не стал попусту унывать. Он отдавал приказание с самым молодцеватым и веселым видом.

Прошел час погони, потом два часа, потом три...

— Что?! — изумился Пиль. — Как же это так? Ведь, если крейсер шел быстрее вашей канонерки на 10 километров, то через 3 часа он должен был не только догнать ее, но даже перегнать на 5 километров.

— И тем не менее, — продолжал Тубо спокойно, — мы попрежнему счастливо удирали, а неприятельский крейсер продолжал нас гнать все с той же бешеной скоростью. Но мы уже не заботились об увеличении хода, — напротив, наш капитан даже отдал команду — умерить ход. Зачем было сжигать лишний уголь? Тем более, что вражеский крейсер, повидимому, решил взять нас измором на угле. Но, на наше счастье, у нас был хороший запас угля. На крейсере же вопрос с углем обстоял не столь благополучно, — ведь он заплыл далеко от своей базы. Прошел еще час безуспешной погони, и крейсер неожиданно для нас прекратил преследование, повернул обратно и исчез за горизонтом. Мы благополучно достигли своей базы.

— Но это совсем похоже на сказку, — заметил Пиль, не зная, что подумать.

— Разве я когда-нибудь давал тебе повод не доверять мне? — обиженно возразил Тубо.

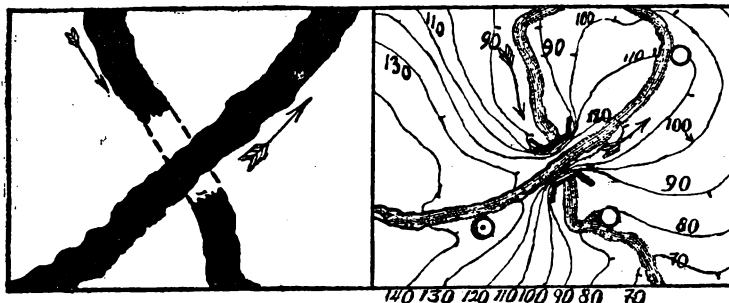
— В таком случае...

Полагаем, что наш читатель решит задачу, перед которой стал втупик Пиль: каким образом крейсер со скоростью хода 30 километров в час, погнавшийся за канонеркой, имевшей максимальную скорость в 20 километров и находившейся от него в начале погони на расстоянии 25 километров, не мог догнать ее в течение четырех часов, хотя все это время не уменьшал хода?

¹⁾ Здесь километры взяты для простоты. Обычно же ход морских судов исчисляется узлами (узел, приблизительно, равен 1,75 км).

Каприз реки

(Ответ на рассказ-загадку, помещенный в № 6 „Вокруг Света“).

Почему сопровождавшие Лерхе лодочники отказались плыть дальше по реке Эште? Что увидел Лерхе, когда он прошел некоторое расстояние по берегу пешком?

Он очутился у того места, где река уходила под землю.

На правительственной карте местности не хватало именно этой детали: не было указано, что часть загадочной речной петли имеет под земным руслом.

„Самопересечение“ реки произошло таким образом, что в месте пересечения одно русло по-

шло под другим; только благодаря этому обстоятельству „речное бытие“ сохранило вполне жизнеспособный характер, т.е. на всем протяжении река сохранила полноту течения.

На приложенных картах подземная часть реки обозначена: слева — пунктиром; справа (на карте с горизонталями) — проходящую под естественным „мостом“. Цифры у горизонталей обозначают высоту местности над уровнем океана. Можно проследить по карте „падение“ течения реки с высоты 140 м до высоты 70 м, с образованием одновременно „петли“.

¹⁾ Софизмами у древних греков называли „мудрые“ и мудреные лже-истины — выведенные на основании кажущихся верными умозаключений, но часто противоречившие практической истине и здравому смыслу.

УГОЛОК ФИЛАТЕЛИСТА

ЖИЗНЬ БРАТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Марки Туну-Тувинской республики.

Филателистические альбомы пополнились еще одной красочной серией ма-

Панорама параллельных горных хребтов, покрытых густым лесом, таким характерным для Центральной Азии; травянистые горные долины, в которых шумят низвергающиеся с высоты пенные потоки—на рис. 8.

Дальше—тувинцы, верхом на коренастой лошади, прикрыв ладонью руки от паля-

щих лучей солнца свое загорелое, обветренное лицо,—следит за стадом баранов—главного богатства туземцев (рис. 9).

Олений поезд спускается по склону горы от юрт вниз, прямо по траве, без всякой дороги (рис. 10).

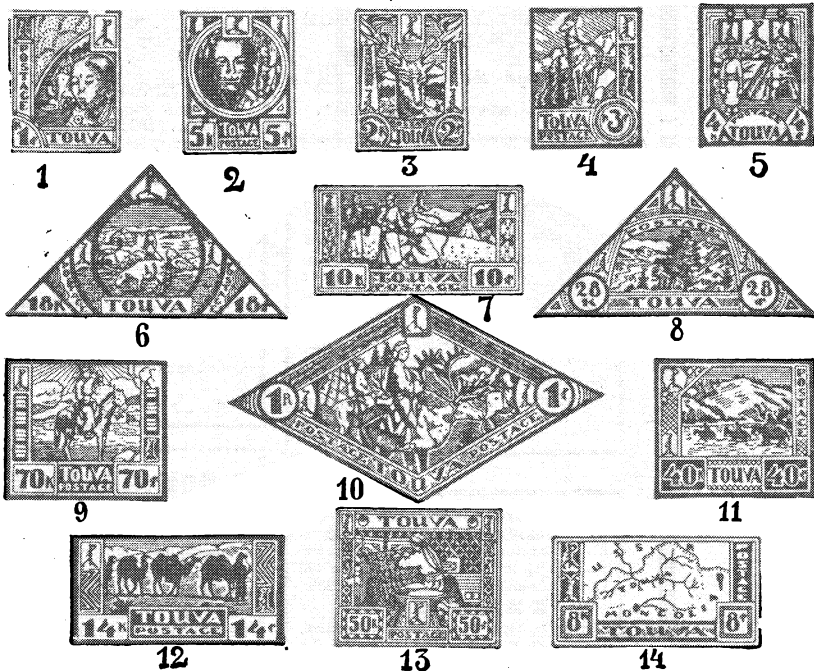
Тувинцы (великолепные наездники), переправляющиеся через бурную горную реку, изображены на рис. 11. Малейшее неосторожное движение—и бешеный поток уносит отважного наездника!

Вот тянется караван берблюдов через пески и колючие растения, туда, в далекий Китай или соседнюю Монголию (рис. 12).

На рис. 13 молодая тувинка с распущенными косами, заткнутыми сзади за пояс, чтобы они не мешали ей работать,—вышивает ковер с восточным рисунком. На рядом стоящем треножнике—таз с кумысом или водою для освежения пальцев, очень устающих от этой тяжелой работы.

Наконец, на рис. 14—географическая карта Тувинской Народной Республики, с нанесением на нее всех границ со стороны Монголии и СССР, главной речной артерии Улу-Кема с его составными частями в виде Бей-Кема (Б. Енисей) и Ха-Кема (М. Енисей), от самых верховьев до прорыва в Саянском горном хребте, столицы Тувы—гор. Кизыла, расположенного при слиянии Бей-Кема и Ха-Кема, а также всех других, более или менее заметных притоков великой реки (Енисей).

А. Чачиков.

рок—марками Тувинской Народной Республики.

Расположенная в Центральной Азии, республика эта граничит с Монголией и с СССР. Тува занимает долину Туну, по верховьям Улу-Кема («Великая река»—Енисей); высокими горными вершинами отгородилась она от остального мира.

Интереснейшая серия новых тувинских марок состоит из 14 достоинств с разными рисунками, от 1 коп. до рубля, с обозначением достоинства марок арабскими цифрами и с надписями валюты, слов «почта» и «Тува» на местном (тувинском) и английском языках.

Марки в 1 коп. и 5 коп. (рис. 1 и 2) изображают лицо тувинки и тувинца в национальном уборе, с характерными для них раскосыми глазами и широкими скулами, указывающими на их принадлежность к тюрко-монгольской расе. Сзади видны юрта и лесок.

На марке в 2 коп. (рис. 3)—голова южного оленя с ветвистыми рогами; в перспективе—пастбища и лесные долины.

Горная коза, стоящая на вершине скалы, изображена на 3-копеечной марке (рис. 4).

Типичное жилище тувинцев-охотников, остроконечную юрту, покрытую содранной с деревьев корой, видим на марке в 4 коп. (рис. 5).

На рис. 6 находим юрту тувинцев-пастухов, живущих обычно около леса в горных долинах или вблизи альпийских пастбищ на степных просторах. Это—широкие овальные юрты, утепленные войлоком, не пропускающим, как известно, воздуха. Близ юрты—пасущаяся баранта.

Сцена праздничной стрельбы—любимого занятия тувинцев (метких стрелков)—изображена на рис. 7. Тувинцы стреляют из самодельных луков с такими же стрелами; они очень гордятся своими лучшими стрелками.

ЗАДАЧИ и ЗАГАДКИ

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА.

Два молодых ученых астронома решили проверить свои знания. Один из них взял немую звездную карту (см. рисунок) и сказал своему товарищу:—«Я задумал одну из больших звезд. Попро- бай определить ее местоположение, зная следующие условия. Расстояние по прямым линиям между звездами Б. Медведицы и Процион + Процион и Беллатрикс меньше, чем между звездами Беллатрикс и Канелла + Канелла и Цефей + Цефей и Кас-

синея + Кассиопея и Персей + на расстояние, равное между звездой Пегас + и задуманной.

Молодой астроном взял циркуль, быстро высчитал указанные расстояния и нашел задуманную звезду. Не сумеете ли и вы, читатели, найти ее?

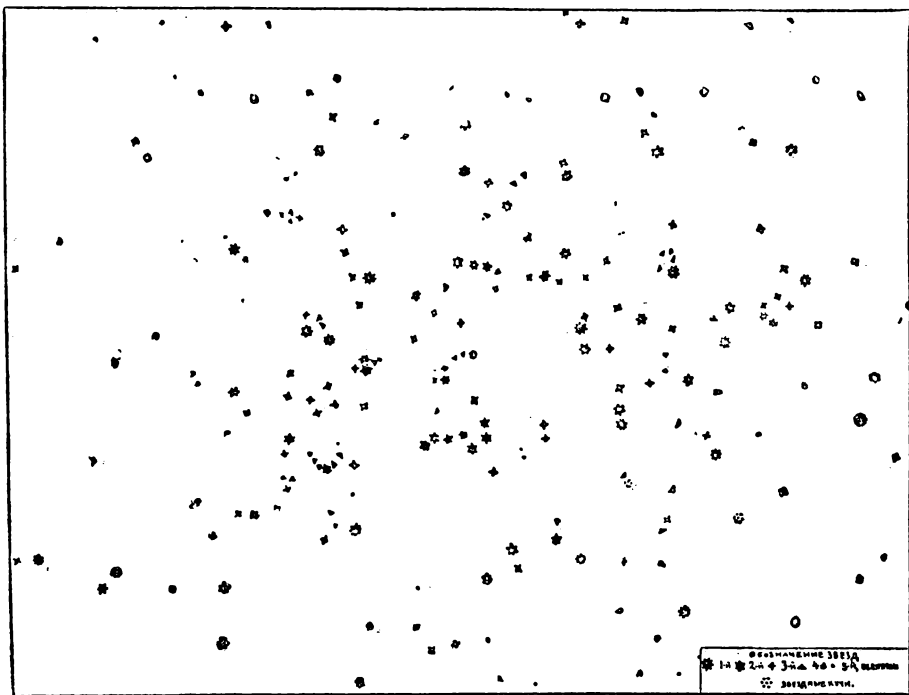
ГОЛУБЬ—ПУТЕШЕСТВЕННИК.

(Прушинского Я. и Царикова Д., г. Новомиргород).

Голубь вылетает из голубятни и летит по прямой линии на юг. После целого часа пути он опускается отдохнуть на пригорок, где и остается полчаса, а затем летит дальше, по прямой линии на запад.

Через $\frac{3}{4}$ часа он прилетает в город. Застигнутый грозой, он принужден остаться здесь на $1\frac{1}{2}$ часа.

После этого он летит с той же скоростью кратчайшей дорогой обратно. Сколько времени голубь был в путешествии?

КНИГА НЕ ВСЕМ ДОСТУПНА,

поэтому издательство „Московский Рабочий“ приступило к выпуску нового типа издания — серии больших художественных романов под общим заголовком „Роман-Газета“. „Роман-Газета“ выходит 2 раза в месяц, книжками формата маленькой газеты. В каждом номере — большой совершенно законченный художественный роман известного русского или иностранного писателя. Цена каждого романа — 25 копеек. По подписке — за 12 номеров — 2 р. 50 коп.

Вышел № 1 „Роман-Газеты“ — сенсационный роман немецкого писателя

БЕХЕР ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА (с рисунк.)

Вышел № 2. Нашумевший роман ДОРОХОВА — КОЛЧАКОВЩИНА

В печати: № 3. Алексеев. Большевики

№ 4. Никулин. Дипломатическая тайна, с иллюстрациями К. Кузнецова.

РОМАН-ГАЗЕТА

продается на всех станциях жел. дор. и в газетных киосках. Подписку направлять: МОСКВА, ЦЕНТР, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, 1. Изд-ву „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

МАРКИ, БОНЫ, МОНЕТЫ ДЛЯ КОЛЛЕКЦИЙ.

К предстоящему сезону получ. большой выбор марок, бон, монет и принадлежностей для коллекционирования. Альбомы, классеры, наклейки, пинцеты на разн. цены. Требуется всюду наши пакеты с марками и бонами в разнообразном ассортименте.

Цены вне конкуренции.

Наши товары продаются во всех книжных, писчебумажных, игрушечных и т. п. магазинах и киосках по всему СССР.

С запросами и оптовыми заказами обращаться:

Москва, 1-я Тверская-Ямская, 3.

СОВЕТСКАЯ ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ.

ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

Конан-Дойл. ШЕРЛОК ХОЛМС ц. 1 р. 15 к.
Хаггард. КОПИЦАЯ СОЛОМОНА ц. 1 р. 50 к.
„ДИТЯ БУРИ“ ц. 1 р. 60 к.
„БЕНИТА“ ц. 1 р. — к.
Рони Старший. УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ГЕРТО-
НА АЙРОНКЕСТЛЯ ц. 1 р. 20 к.
Бридж. ЧЕЛОВЕК НИОТКУДА ц. 1 р. 50 к.
„ПОХОЖДЕНИЯ ДВОЙНИКА“ ц. 1 р. 50 к.

Ганс Доминик. ЛУЧИ СМЕРТИ

Роман 1955 г. Ц. 1 р. 20 к.

НА СУШЕ И НА МОРЕ — сборник путеш. и приключений. . . ц. 1 р. — к.
Климент. ПОД ДНОМ МОРСКИМ ц. 1 р. 25 к.
Руккет. УРАГАН ц. 1 р. — к.

Высылает наложенным платежом без задатка книжный магазин

„ТРУД“. Москва, центр, Моховая, 15/А.

При заказе свыше 3-х рублей ПЕРЕСЫЛКА БЕСПЛАТНО.

Фокусы и научные развлечения в клубной работе. — А. Маслов, ц. 85 к.

Головоломка — игра для всех возрастов, ц. 75 к.

Массовые народные танцы. — Анна Зеленко, музыкальная обработка народных мелодий М. Лазарева, ц. 90 к., с рисунками и нотами.

ВЫСЛАЕТ НАЛ. ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА

Книжный магазин „ТРУД“

МОСКВА, центр, Моховая, 15/А.

УЗНАВАЙТЕ ПОГОДУ

Гигрометр БАРОМЮР

Прибор для предсказания погоды с вечным календарем

Необходим всем.

Высл. немедл. по

получении 1 р. (мож.

но марками) Налож.

платежом — 1 р. 20 к.

Анализ Науч. Х.-Ф. Инст. та ВСНХ №33198
Оптовиким скидка. Адрес: Москва, 210, почтовый ящик №1163, производств. „Баромюр“.

РЫБОЛОВАМ !!

Сабанеев. Рыбы России; жизнь, ловля наших пресноводных рыб. С прил. рыболовн. календаря, 1062 стр. и 492 полиптижей. 4р.75к., в пер. 6р.25к.

ХИМИКАМ !!

Штанге. Практ. руков. к исследов. пищевых и вкусовых продуктов. 2-е изд., 1 р. 50 к. Цены без пересылки. Книжку по всем вопросам ВЫСЛАЮ.

Каталог по химии, математике, физике, счетоводству и др. отраслям знаний. Высл. за 8 коп. марку, при заказе бесплатно. Книжная торговля А. Г. Алексеева. Москва, Центральн. рынок, №767/А.

НОВАЯ КНИГА

ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК

ВСЕ РЕМЕСЛА В ОДНОЙ КНИГЕ:

плотничьи, столярные, токарные, по отделке деревянных изделий, корзиночные, бочарные, картонажные, переплетные, провололочные, кузнечные, слесарные, токарные по металлу работы, паяние, лужение, никелирование, выделка оцинк., варка мыла, выделка щеток, кистей, верезок, производство крахмала, зеркальные, обувные, гончарные, печные, малярные и штукатурные работы, изготовление детекторного радиоприемника.

С 148 рис. Ц. с перес. 3 р. 50 к. Можно послать мелк. почт. марк.

Заказы и деньги направлять:

Книжный склад „КНИГОВЕД“, Москва 19, улица Герцена, 22/В.

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Муханов. ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ.

Иллюстр. фант. ром. Ц. 1 р.

Добиаш. КРЕСТОМ И МЕЧОМ.

Путешествия, завоев. и прикл.

Ричарда Льюиса. Сердце. Ц. 1 р.

Мюллер. ПИРАТ КОРОЛЕВЫ

ЕЛИЗАВЕТЫ. Путеш. и прикл.

капитана Аркса. С рис. Ц. 70 к.

Егоров. В ПОГОНЕ ЗАЗОЛОТОМ.

Книга захватыв., интереса.

Ц. 1 р. 20 к.

Кап. Лукнер. ЗОВ МОРЕЯ. Пиратство на морской шхуне.

Ц. 1 р. 70 к.

Кабу. АТЛАНТИДА ПОД ВОДОЙ.

Роман приключ. Ц. 2 р.

Клемент. ПОД ДНОМ МОРСКИМ.

Фант. роман. Ц. 1 р. 25 к.

Каринцев. ТАЙНА ДВУХ МАТЕРИКОВ. Прик. в Африке и Азии.

Ц. 1 р. 50 к.

Рони. УДИВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ГЕРТОНА АЙРОН-КЕСТЛЯ. Богато иллюстр.

Ц. 1 р. 20 к.

А также

любую книгу всех издательств

высылает срочно наложенным

платежом без задатка

Кооперативное Т-во „Сотрудник

Провинции“

Москва 9, ул. Огарева, № 3

В ДОМАШНЕМ БЫТУ

ХОЗЯЙКА-КУЛИНАРКА. Полная поваренная книга для хозяек.

1370 различных скоромных и постных блюд, заготовок, солений, маринадов, варений, напитков и других всевозможных хозяйственных приготовлений. Составлена на основании многолетнего личного опыта. 3. Рудь. 500 стр. больш. форм. Ц. 3 р. 50 к.

ДЕТСКАЯ КУХНЯ. Приготовление пищи для детей в возрасте от 6 мес. до 3 лет. Сост. Киселева. 2 изд. С рис. Ц. 60 к.

Полное руководство КРОЙКИ и ШИТЬЯ по новой системе дамских, мужских и детских верхних и нижних вещей. Стр. 176. С чертежами выкроек и рисунк. Ц. 2 р. 75 к.

ПОЛНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СЛОВАРЬ

иностранных слов.

Свыше 10.000 иностр. и политических слов, с указанием их происхождения, ударений и научного значения. Сост. И. Вайсблит. 212 рис. 676 стр. больш. форм. Ц. 3 р. 75 к.

ВЕРНЫЙ ЗАРАБОТОК НА ДОМУ.

Практические техно-химические рецепты. Необходимо кустарно-производственнику и каждому гражданину для легкого и доступного заработка.

2000 различных рецептов и советов, ясно и доступно изложенных по всем отраслям производства и хозяйства. Сост. И. Рудь. Цена 3 р. 50 к.

Книги немедленно высылаются наложенным платежом.

МОСКВА, 1, М. Бронная, д. 6 В. С.

Книжный магазин Г. А. БАСОВА.

ВНИМАНИЮ ВЕЛОСИПЕДИСТОВ СНИЖЕНЫ ЦЕНЫ с 16-го ИЮНЯ НА ВЕЛОРЕЗИНУ

ПРЕЖНЕЙ ЗАГОТОВКИ, но УДОВОЛВОРИТЕЛЬНОГО КАЧЕСТВА.

Покрышка — 2 р. 75 к. Камера — 1 р. 10 к.

ИМЕЮТСЯ ВЕЛОЧАСТИ и ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Велозвонки по 2 р. 75 к. и 2 р. 50 к. за штуку.

Спорт. организац., Местнома, Раб. коллект. и Кооп. организац. при оптовой закупке скидка до 25% — Иногород. наложен. платеж. при задатке 25%.

АВТОПРОМТОРГ, Москва 6, Каретный ряд, дом 15/в.